

АЛЕКСАНДР НАСИБОВ

СЛЕД НА ДНЕ

АЛЕКСАНДР НАСИБОВ

ЧЕСТЬ • ОТВАГА • МУЖЕСТВО

СЛЕД НА ДНЕ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1966**

P2
H31

СЛОВО О МУЖЕСТВЕ

Эта книжка повествует о мужестве двух молодых парней, рабочих морского нефтяного промысла.

Каспий, где возвышаются стальные острова нефтяников, славится своим крутым нравом — здесь на один тихий день приходится несколько штормовых. Случается, что налетают ураганы, и тогда море кипит, клокочет, будто чья-то рука разом подожгла миллионы тонн нефти, что скопились под его дном.

Но добыча горючего не должна прерываться ни на минуту. Поэтому нефтяники работают при любой погоде. Разведчики новых месторождений топлива, бурильщики скважин, ученые, геологи, операторы промыслов, строители искусственных островов, катерники — все они находятся на посту днем и ночью, зимой и летом.

Вместе с ними несут нелегкую вахту в море и оба героя повести. Однако стихия не единственный их противник. И даже не главный. По воле обстоятельств им при-

ходится вести мужественную борьбу и с преступниками — браконьерами и убийцами.

Мужество... Крупнейший знаток и исследователь русского языка Владимир Даль дает этому слову такое толкование: «Стойкость в беде, борьбе, духовная крепость, доблесть; храбрость, отвага, спокойная смелость в бою и опасностях; терпение и постоянство».

Да, мужество поистине многогранно. Оно особенно прекрасно, когда проявляется при защите интересов коллектива.

Герои этой книги так именно и поступили. Они стали добровольными помощниками советской милиции на одном из участков ее борьбы с преступностью.

Они могли бы остаться в стороне, но ринулись в самую гущу событий.

Они знали, что рискуют всем, даже жизнью, но не подумали отступить.

Так они понимали свой долг перед обществом, в котором воспитываются и живут.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ТАКСИ У ВОРОТ РЫНКА

Белое солнце стояло в зените. Белое, будто выгоревшее от зноя небо простиралось над зеленым морем и серой лентой дороги на берегу, по которой мчался одинокий мотоциклист. И хотя скорость была велика, тугие струи встречного ветра не холодили, а обжигали голову, шею, грудь водителя.

Машина взлетела на бугор. Здесь начинался крутой поворот. Джафар точно вписал мотоцикл в вираж, вырвался на прямую и прибавил газу.

Однако в следующую секунду газ был сброшен, нога придавила тормозную педаль: впереди на правой обочине стоял легковой автомобиль. Возле него были двое. Один поднял руку.

Джафар подал машину в сторону, притер ее к багажнику «Волги». Левый передний баллон автомобиля был смят, скручен на ободу. По асфальту тянулся к нему черный извилистый след. Видимо, машина шла на большой скорости, когда лопнула камера. Однако молодчина шофер удержал авто-

мобиль на дороге, даже поставил его за проезжей частью. Можно понять, чего это стоило: разлетелся-то передний баллон!

— Здóрово, — пробормотал Джафар. — Представляю, как вас мотало!..

Шофер, торопливо орудовавший домкратом у передка машины, поднял побагровевшее от напряжения лицо,

оглядел мотоциклиста, вновь принялся за работу.

Подошел офицер милиции, коротким движением подбросил руку к козырьку фуражки, представился:

— Капитан Белов! — Он положил пальцы на руль мотоцикла. — Друг, уступи машину. До города тебя довезут. Через час встретимся — верну в полном порядке.

У Джафара стало сухо во рту. Отдать новенькую «Яву»!.. Сколько времени деньги копил на покупку. В Москву летал за машиной. И — запросто отдать ее первому встречному! А он, быть может, и ездить-то толком не умеет...

— Вот так надо, друг! — Капитан провел ребром ладони по горлу. — Необходимо догнать одного типа. Очень прошу. Ну, пожалуйста!

— А если... вместе? — хрипло сказал Джафар.

Капитан сощурил глаз, усмехнулся. Наверное, понял переживания парня.

— Ладно, — сказал он и сел на второе седло. — Будем надеяться, что не гробанемся!

Удивительная машина «Ява-350». Кажется, только тронулись, а скорость уже под шестьдесят. Так и рвется вперед, будто живая.

В московском магазине Джафар долго терзался: какой мотоцикл брать? Собственно, решение созрело еще дома: куплена будет одноцилиндровая «Ява» — она дешевле, весит меньше, экономнее в расходе горючего. Да и мотор у нее мощный — двенадцать сил!

И все же, оплатив чек, он вдруг поставил на место отобранную машину, оглядел длинный ряд нарядных мотоциклов и сказал удивленному продавцу, что решил купить более дорогую машину. Потом помчался в сберкасса, взял остаток денег по аккредитиву и вновь ворвался в магазин, когда там уже вешали табличку «Закрыто на обед». Он купил мощную двухцилиндровую красавицу «Яву-350».

Стрелка спидометра приблизилась к цифре 70.

— Быстрее можешь? — Капитан прильнул к Джафару, напряг голос, чтобы перебороть свист ветра. — Прибавь, если чувствуешь себя уверенно!

Джафар повернул ручку газа. Мотор запел напряженнее, злее. Стрелка указателя скорости, миновав восьмидесятикилометровую отметку, медленно двинулась дальше.

Отличная подвеска у «Явы». Телескопические амортизаторы добросовестно гасят толчки. Но восемьдесят пять километров — это скорость, при которой каждая выбоинка на дороге дает о себе знать. А ну, напорется на гвоздь колесо мотоцикла, как баллон милицейской «Волги»!..

Впереди пылил большой самосвал. «Ява» быстро настигала его.

— Обходи, — скомандовал капитан.

Мотоцикл взял левее и с воем пронесся мимо дизельного чудовища.

И вдруг Джафар заметил, что дальше дорога разбита. Секунду назад поврежденный участок шоссе загораживало желтое крыло самосвала. Теперь выбоина была видна отчетливо. Она находилась перед колесом «Явы».

— Держись! — крикнул Джафар и в последний миг рванул вверх руль машины.

Удар!

Мотоцикл сделал длинный прыжок, прыгнул снова, затем еще раз.

— Спокойнее! — Капитан похлопал водителя по плечу.

Но Джафар уже был во власти гонки.

На скорости девяносто километров они обошли два лесовоза, «Победу» и серебристый рефрижератор.

Впереди обозначился перекресток. По боковым шоссе к нему ползли автобусы. Два автобуса, с обеих сторон. Один уже готовился выехать на магистраль.

— Свет, — крикнул Белов, — включи свет!

Джафар понял, мгновенно зажег фару и зара-

ботал переключателем. Ничего, что сейчас день, ярко светит солнце. Свет фары, пусть маленький, бледный, но свет все же виден. Видно, что он мигает. Дежурящий у перекрестка инспектор должен его заметить и понять, что мотоцикл просит дороги, должен остановить автобусы, чтобы предотвратить опасность столкновения. Разыскивать лихачей, пронесшихся на бешеной скорости, он будет после...

Мотоцикл проскочил перекресток.

Еще десяток километров, и он влетел в город.

Теперь Джафар ехал медленнее, а разок умышленно потрянул капитана на ухабе: он уже знал, что везет пассажира к центральному рынку. Выходило, что вся эта погоня — за каким-то там спекулянтом. Подумать только!..

Рынок. От его ворот отъезжало голубое такси. Соскочив с мотоцикла, капитан движением руки преградил путь «Волге».

— Кого привезли? — спросил он водителя.

Шофер, пожилой человек с пышными усами, широко ухмыльнулся. Блеснули крепкие белые зубы. Лицо у шофера было морщинистое, дряблое. И два ряда ослепительно белых зубов!

«Вставные», — догадался Джафар.

— Кого привез? — переспросил таксист. — Конечно, пассажира, дорогой!

— Вы с офицером милиции разговариваете, — строго сказал Белов. — Прошу документы!

Он взял у водителя шоферское удостоверение и путевой лист, спрятал в карман.

— Куда ушел пассажир?

Таксист неторопливо вылез из автомобиля, достал сигарету, не спеша положил в рот.

— Не знаю. — Он зажег сигарету, подержал в пальцах и только тогда закончил фразу: — Не знаю, куда ушел, товарищ капитан. Мое дело привезти клиента, получить деньги. Дальше — его дело. Наверное, на рынке он. Ищите, если надо.

— Будете ждать здесь!

Белов поглядел на Джафара, сделал ему знак побыть возле такси и быстрыми шагами устремился на рынок.

Джафар едва сдерживал раздражение. Надо же, чтобы именно его остановила на дороге милиция! Гнали как сумасшедшие, едва не свалились, и во имя чего?

Он подошел к лоточнице, торговавшей съестным, купил пирожок, стал жевать. Изредка он бросал косые взгляды на таксиста. Очень хотелось, чтобы тот попытался сбежать или, на худой конец, порвал какую-нибудь бумагу, зашептался с прохожим... Было бы на ком сорвать зло!

Но шофер, постояв у машины, зевнул, уселся в кабину и развернул газету. На мотоциклиста, доставившего капитана милиции, он и не посмотрел.

Итак, зубастик привез на базар спекулянта. Следивший за такси капитан милиции начал погоню. Однако случилась авария с машиной преследователей, и голубую «Волгу» настигли только теперь, когда пассажир скрылся. Все понятно. Не ясно только, при чем здесь шофер такси? Мало ли кто сядет к нему в машину? Он что, ответчик за клиента?..

У автомобиля появился Белов: очевидно, зря

ходил на рынок. Достал из кармана отобранные документы, стал просматривать.

— Кого, говорите, привезли? — спросил он.

Шофер снова вылез из кабины.

— Пассажира, дорогой товарищ капитан. — Таксист явно подтрунивал над офицером. — Человека. Мужчину с усами, как у меня. Ну, что еще?

— А вы спокойнее... Где взяли пассажира?

Таксист назвал селение, расположенное километрах в двадцати к востоку от города.

Джафар быстро посмотрел на Белова: они прибыли в город с противоположной стороны.

— Хорошо. — Капитан рассеянно взглянул на шофера задержанной машины. — Хорошо, так и запишем. А что вез пассажир?

— Груз.

— В багажнике?

— Да, начальник, в багажнике. Но теперь пассажира нет и багажник пустой.

— Все же откройте его.

Шофер сердито сверкнул глазами, наклонился к багажнику. Неловкое движение, и он больно ушиб руку о клык бампера.

— А!.. — Он затряс кистью.

Джафар увидел широкое серебряное кольцо на безымянном пальце левой руки таксиста.

Заметил украшение и Белов. Он поднял крышку багажника. Там были запасное колесо и брезентовая сумка с инструментом.

Джафар тоже заглянул в багажник. В лицо ударил густой рыбный дух.

— Какую рыбу везли? — спросил Белов.

— Мешки были. — Таксист закрыл багажник. — Два мешка. Может, рыба. А может, раки. Сейчас в море много раков, товарищ капитан. Что кладут, то и везу. Высадил пассажира, сдал груз, получил деньги — до свидания!

— Ну ладно, вот ваши документы. Можете ехать.

Шофер сунул бумаги в карман, сел в машину. Такси лихо взяло с места.

Белов обернулся к Джафару.

— Здорово водишь машину, — с улыбкой сказал он. — Гонщик?

— Хотел стать гонщиком. Прошел полный курс наук. Однако не вышло.

— Что же так?

— Другим делом заболел.

— Футбол? — Белов оглядел крепкую фигуру собеседника. — Нет, скорее штанга. Или борьба?

Джафар покачал головой.

— Спешу, капитан... Я, видишь, с вахты. Сутки

в море пробыл. Сейчас дела в городе. В другой раз поговорим. Садись, подвезу куда надо.

«Ява» подкатила к подъезду городского отдела милиции. Белов написал в блокноте несколько слов, вырвал листок, протянул Джафару.

— Мой телефон. И фамилия, чтобы не забыл. Позвони, друг, когда будешь свободен.

— Я вот о чем хотел спросить... — Джафар нерешительно посмотрел на капитана. — Мы кого сегодня ловили? Обыкновенного спекулянта?

— Обыкновенных спекулянтов, то есть таких, которые не представляли бы серьезной опасности для общества, в природе не существует, — проговорил Белов. — Каждый из них замыкает цепочку преступлений: взятки, воровство, подлоги...

— Какие же преступления мог совершить этот тип?

— Все те, что я назвал, плюс браконьерство. Впрочем, браконьеры и есть воры, точнее — грабители. Природу грабят, людей, государство. Если под топором хищника исчезает лес, то высыхают ручьи, реки. Растрескивается, превращается в пыль почва. Ветры уносят плодородный слой. Без пищи и воды не могут существовать животные — звери и птицы погибают или переселяются. Конец: земля превратилась в пустыню... Если же браконьеры принимаются за зверей...

— В Америке перебили бизонов!

— Да, истребили миллионные стада бизонов. Только нам с тобой незачем глядеть за океан. У нас под носом свои преступники истребляют джейранов, фазанов, турачей. А на Каспии взяли за красную рыбу — глушат взрывчаткой,

травят, бьют гарпунами... Установлено: в море меньше стало осетров. Осетры — это мясо, икра. Икра — валюта, золото. Знаешь, в какой она цене у нас и за рубежом?..

Они расстались.

Джафар поглядел вслед Белову. Невысокий, сухощавый, капитан бесшумно взбежал по ступеням крыльца, кивнул милиционеру у двери, исчез на лестнице.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СТАЛЬНОЙ ОСТРОВ

Джафар стоял на корме катера, только что отвалившего от причала искусственного островка. Застывший посреди моря решетчатый остров чем-то напоминал водяного паука. Только вместо многочисленных ножек-ниточек у него были толстые стальные сваи. Помост, тело острова, высоко поднимался над водой, чтобы в шторм не достало самой большой волной. В центре помоста красовалась устремленная в небо огромная вышка. От ее кончика и до уровня моря было около шестидесяти метров. Так что, когда Джафар взбирался на полати — крохотную площадку под верхним срезом вышки, он оказывался как бы на крыше двадцатиэтажного здания.

Сегодня Джафар пробыл на полотах от зари и до обеда. Еще накануне мастер распорядился с рассветом приступить к смене сработавшегося долота. Оно укреплено на конце бурильной колон-

ны, уже достигшей двухкилометровой длины. Чтобы добраться до долота, требовалось извлечь из скважины все трубы — «поднять инструмент», как говорят нефтяники.

Операция началась с наступлением утра когда краешек солнца только показался из-за моря и с берега потянулись на охоту за рыбой первые стаи длинношеих бакланов. Механик включил дизельные моторы. Загрохотала могучая лебедка, вытягивая первую свечу — длинную тяжелую трубу, из которых свинчена колонна.

Когда стальная махина выползла из устья скважины, вступил в дело механический ключ весом в тонну. Его на тросах подвели к скважине, отвинтили трубу, и лебедка потянула свечу наверх.

Все выше и выше поднималась труба. Джафар уже был наготове в своем вороньем гнезде. Вот верхний обрез свечи поравнялся с полатами. Рабочий ловко захлестнул ее веревкой, крепче уперся ногами в настил площадки и, подтянув перепачканную в жидкой глине многопудовую трубу, завел ее за палец — специальный выступ в стене вышки.

А трос лебедочного кронблока уже тащил из недр новую свечу.

В двухкилометровой бурильной колонне многие десятки свечей, и подъем инструмента закончили только к полудню. Как гигантские макароны в пачке, выстроились за пальцем бурильные трубы. Пришедшее в негодность долото заменили новым. После короткого отдыха все пошло в обратном порядке: одна за другой свечи свинчивались в колонну и исчезали в скважине.

На вахту заступила новая смена. Бурение во-

зобновилось. Где-то глубоко под морским дном зубастое долото вгрызалось в породы, метр за метром подбираясь к нефтеносным пластам.

Между тем катер быстро бежал к берегу. Стихал грохот бурильного агрегата. Островок уменьшался в размерах, будто уходил под воду. Вскоре можно было различить только вышку. Затем исчезла и она. Катер причалил к пристани.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

НА РЕЗИНОВОМ ПЛОТУ

Джафар со своим надувным плотом и снаряжением для подводного плавания расположился на пустынном пляже, у самой кромки воды. Поселок, контора промысла и морских разведчиков нефти, причал для катеров, автобаза — все это осталось в стороне.

В море маячили свайные помосты с островерхими вышками. Иные скважины находились в работе, но большинство было уже пробурено. Нефть перекачивалась на берег по трубопроводам, проложенным по дну Каспия.

Одна вышка стояла на отлете, километрах в четырех от пляжа. Джафару хорошо были видны и сам островок и темные точки возле него — катера и киржимы. Суда заканчивали укладку нефтепровода. Эта буровая имела номер двадцать четвертый. Геологи долго спорили, прежде чем решились проложить скважину на новом участке: мно-

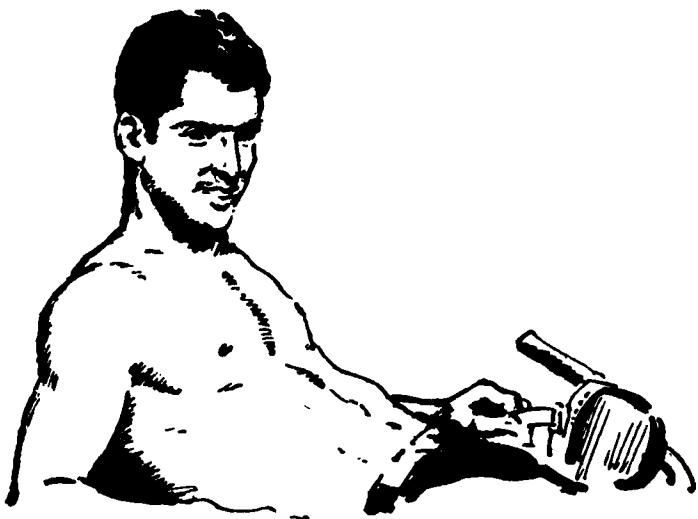
гие считали его бесперспективным. И вот из двадцать четвертой ударил мощный фонтан горячего.

Джафар улыбнулся, снял безрукавку. Расправив плечи, с удовольствием оглядел море. Был один из немногих дней, когда на Каспии полный штиль. Неподвижная вода казалась синей только на горизонте, а у берега она напоминала расплавленный алюминий.

Каспий, или Хазар по-азербайджански, удивительное море. Здесь мирно соседствуют крабы и раки, в сетях, поставленных на какую-нибудь мелкую рыбу, нередко запутываются белуги в пятнадцать-двадцать пудов, двухметровые осетры, огромные севрюги, сазаны...

Сейчас Каспий спокоен, ласков. А стоит только из-за прибрежных холмов вырваться знаменитому северному ветру, как море мгновенно вскипает, покрывается мелкими злыми волнами. Они быстро растут, дыбятся. И вот уже глыбы бело-зеленой воды обрушиваются на корабли, на устои стальных островов, на прибрежные рифы и скалы. Бывает, бешеный норд и штормовые валы корежат и рушат тысячетонные сооружения в море, и люди, если их заблаговременно не переправили на берег, бесследно исчезают в пучине.

Лет пятнадцать назад так погиб отец Джафара. Он был мастером в бригаде, которая впервые стала бурить нефтяные скважины далеко от берегов — в открытом море. Стальной островок бригады стоял на песчаной банке, километрах в одиннадцати от суши. Дело происходило зимой. Добуривались последние метры глубокой разведочной скважины, когда налетел жесточайший шторм. Все произошло

неожиданно, вопреки предсказаниям синоптиков, и людей с буровой вовремя не сняли. Там остались две вахты и сам мастер.

В течение первых суток на островке не было причин для беспокойства. Несмотря на непогоду, работа шла, свободные от вахты отдыхали в домике на краю помоста — там была электрическая плита, несколько коек, имелся запас продовольствия, пресной воды, папирос. Каждые два часа мастер докладывал по радио на берег: на буровой все в порядке, работа продолжается, пройдено столько-то метров на пути к нефти.

На вторые сутки ветер достиг ураганной силы. Бригада прекратила работу — по островку было

опасно передвигаться: ветер мог подхватить человека и унести в море. А там гуляли волны, каких еще не видел ни один нефтяник, — огромные, крутые, с лохматыми шапками желтой пузырястой пены.

«Волны с силой бьют в устои острова, ветер давит на вышку, — докладывал мастер по коротковолновой рации, — она начинает раскачиваться...»

Наступила ночь, а шторм не ослабевал.

На берегу собрались те, чьи мужья и отцы находились там, далеко за горизонтом, в непроглядной тьме. Среди них была и жена мастера с сыном — в ту пору Джафару едва исполнилось пять лет.

Ночью в тресте морского разведочного бурения никто не сомкнул глаз. Все работники собрались на радиостанции. Здесь царила тишина. Слышался только голос директора треста, разговаривавшего с далеким островом, да хриплый баритон в динамике — мастер бригады и в эти критические минуты был сдержан, мужествен. Ему было известно, что в порту наготове стоят корабли — они выйдут в море, как только чуточку стихнет и можно будет надеяться, что удастся приблизиться к буровой. Но он знал и другое: под напором урагана все сильнее раскачивается вышка, расшатывает остров — вот-вот он рухнет...

В три часа ночи связь с островом оборвалась.

Когда кораблям удалось подойти к банке, они обнаружили несколько торчащих из воды свай. Это было все, что осталось от острова.

Мать увезла Джафара в деревню — к своим родителям. Она прокляла море, отнявшее мужа.

Она делала все, чтобы сын, когда подрастет, и думать не смел о Каспии.

Мать умерла шесть лет назад. А спустя год Джафар покинул селение, приехал сюда и стал работать в том самом тресте, где когда-то трудился отец...

Вздохнув, Джафар принялся за работу: проверил акваланг, осмотрел фотокамеру, бережно уложил ее в непроницаемый футляр. Он сам склеил эту коробку из органического стекла, придумал хитроумный запор: надвинешь крышку, повернешь рычаг, и в бокс с фотоаппаратом не просочится ни капли влаги.

На воде уже покачивалась автомобильная камера с пришнурованным к ней круглым куском брезента. Акваланг и прочее снаряжение были уложены на резиновый плот. Джафар надел ласты, оттолкнул плот от берега и поплыл за ним в море.

Уже неделя минула с того дня, как случай свел его с капитаном Беловым. Ну, было и прошло. Казалось, давно бы следовало забыть и о милицеевской «Волге» с лопнувшим скатом и о бесплодной погоне за спекулянтом. Так нет, память то и дело возвращала к этому происшествию. Вот и сейчас в ушах звучал глуховатый голос Белова: «Позвони при случае».

Позвони!.. Всю эту неделю Джафар, что называется, дневал и ночевал на буровой. Там случилась серьезная неприятность: обвалились стенки скважины. На острове переполошились. Никто из нефтяников не считал себя вправе после работы

съехать на берег. Сменившиеся с вахты наскоро ели и спешили к вышке, чтобы подсобить товарищам, — в то трудное время на счету была каждая пара рук.

«Работать на морской буровой — не халву есть». Афоризм принадлежал соседу Джафара по комнате в общежитии, старшине промыслового катера Фирузу. Вспомнив эти слова, Джафар усмехнулся. Да, нелегкое дело, что и говорить. Во всяком случае, у работников милиции жизнь намного спокойнее.

Он энергичнее заработал ластами. Скорее бы добраться до места. Не терпелось испробовать под водой цветную пленку. Джафар никогда еще не снимал на цвет пронизанное солнцем море, водоросли, сверкающих рыб...

Кого все же ловил капитан Белов? Мелкого жулика, по дешевке скупающего рыбу, добытую браконьерами? И сколько лет этому Белову? Пожалуй, тридцать. А человек с характером. Видать, упрямый: когда слушал ответы таксиста, губы сжал так, что побелели... Но вообще-то ничего особенного. Парень как парень.

Джафар попытался представить: ровно в пять Белов запирает свой кабинет, едет домой, съедает обед и, стащив с ног сапоги, с газетой в руках заваливается на клеенчатый диван. Жена и дети ходят на цыпочках: папа отдыхает... Фу, чепуха какая-то!

Размышления были прерваны стуком мотора. Подлетел катер, отработал назад и закачался рядом. Загорелый до черноты здоровенный парень в полосатой тельняшке приглушил мотор, оставил

штурвал, перегнулся через борт и помахал пловцу рукой. Это был Фируз — сосед и приятель Джафара.

— Эй, — крикнул Фируз, — эй, парень, опять тебя понесло на рифы?

Вместо ответа Джафар шлепнул ладонью по воде и окатил катерника фонтаном брызг. Мгновение — и Фируз прыгнул в море, ухватил Джафара за плечи, толкнул в глубину.

Они долго барахтались в ласковой прозрачной воде, ныряли, угощали друг друга шлепками.

— Ты откуда шел? — спросил Джафар, когда, утомившись, они забрались в катер и улеглись на корме. — Не с двадцать четвертой?

— Точно, оттуда. — Фируз поднял большой палец. — Полный порядок на буровой. Трубопровод уложили. Дали давление — держит. К вечеру пойдет нефть на берег. Думаю, тонн сто будет, не меньше. Так что можешь гордиться.

Двадцать четвертую скважину еще в прошлом месяце пробурила бригада Джафара, сдала ее промыслу и стала прокладывать новую. На днях он улучил час, съездил на ту буровую, посмотрел, как устанавливали фонтанную арматуру — сложную систему толстых труб и задвижек. Сейчас, ког-

да подводная магистраль к двадцать четвертой проложена, задвижки откроют. Нефть из скважины хлынет на берег. Она будет бить через штуцер — стальную болванку с отверстием в горошину, бить с такой силой, что за сутки в резервуаре накопится сотня тонн горючего.

Катер дремал в неподвижной воде. Казалось, он вплавлен в гладкое голубое стекло. Неподвижны были и двое парней, разлегшихся на его палубе. Подложив под голову руки, Джафар мечтательно глядел в небо.

— Как думаешь, чего больше всего на дне океана? — вдруг спросил он. И сам же ответил: — Дно океана буквально усыпано зубами акул!

Фируз рывком повернулся на бок, озадаченно поглядел на товарища.

— Можешь мне поверить, — ровным голосом продолжал тот, будто читал книгу. — Акулы — это древнейшие обитатели океана. Миллионы их, как торпеды, носятся в толще воды. И у всех — хрящевой скелет, который очень быстро разлагается, когда акула погибает.

А зубы что, остаются?

Джафар кивнул. Потом, после большой паузы, сказал:

— Да вообще там, в глубинах, есть еще много такого, о чем мы даже и не подозреваем. На дне Индийского океана ученые обнаружили следы какого-то существа. Глубоко под воду спустили фотоаппарат. Вспыхнул фонарь, защелкал затвор камеры. Когда снимки проявили, на одном из них увидели участок илистого дна с отпечатком огромной когтистой лапы...

— Трави больше!

— Это правда... Другая экспедиция совсем в другой части океана получила такой же снимок. Заметь: отпечаток в мягком иле. Совсем свежий след. Тот зверь, быть может, и сейчас бродит по океанскому дну... Ты представляешь?

— И в Хазаре могут найтись такие? — шепотом спросил Фируз. — Чем Хазар хуже океана?

— Могут. — Джафар помедлил. — Обнаружили же чудовище в одном из озер Северной Шотландии. Почему бы и в нашем море, которое в сотни раз больше...

— Слушай, Джафар, — Фируз испытующе поглядел на приятеля. — Я все забываю тебя спросить. Зачем ты купил эту штуку? — Он показал на плот с аквалангом. — Что задумал?

— Пока сам не знаю, — вяло сказал Джафар. — Просто мне интересно. Спустишь разок под воду, поймешь...

Он надел ласты, перелез через борт.

— Когда тебя ждать? — крикнул Фируз.

— К вечеру буду.

Джафар толкнул плот и поплыл прочь от катера.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

КАТЕР С ДВУМЯ МОТОРАМИ

Рифы, множество рифов усеивает этот участок моря. Они начинаются в полутора километрах от берега и полукругом охватывают морской нефтепромысел. Некоторые камни затаились под самой поверхностью воды и обнажаются только в шторм, когда разведет большую волну. Иные выставили напоказ зазубренные вершины — цвета ржавого железа, с ядовито-зелеными пятнами водорослей по нижней кромке. Будто гнилые клыки неведомого чудовища...

Скальный архипелаг — гиблое место для кораблей. Рейсовые теплоходы, танкеры и катера нефтяников обходят его стороной. Не рискуют идти в скалы и маленькие суденышки рыболовов: не выбраться из каменного лабиринта, если задует ветер. Поэтому на рифах безлюдно. Зато здесь тысячи птиц. Бакланы и чайки облюбовали скалы для гнездовий, охотятся, справляют свадьбы, выводят потомство.

В ближней к берегу части архипелага высится диковинный островок. Образованный двумя утесами с глубокой седловиной между ними, он напоминает спину двугорбого верблюда. Есть на островке крохотный пляж, есть и бухточка — от моря ее ограждает скальный барьер, и в бухте всегда тихо, как в лагуне кораллового острова. Рифовое ограждение маленькой бухты прерывается у восточной оконечности двугорбой скалы — природа создала

здесь неширокий проход, свободный от подводных камней.

Солнце стояло высоко, когда Джафар приблизился к приметному острову, толкнул плот в полосу чистой воды, скользнул за ним в бухту. Он выбрался на берег, вытащил плот и бросился на горячий песок.

— Уф-ф!.. — слышалось где-то совсем рядом.

Из воды высунулась усатая голова тюленя. На Джафара уставилась пара темных любопытных глаз.

Несколько секунд зверь был неподвижен, потом фыркнул, опрокинулся на спину и, гулко шлепнув лапами, исчез в глубине.

Джафар рассмеялся, с наслаждением зарылся руками в мелкий, как сахарная пудра, песок. Песок и скалы, соленая вода и сохнувшие на камнях клочья бурой морской травы источали резкий волнующий аромат. При каждом вдохе в ноздри врывалась острая свежесть, от которой чуточку кружилась голова.

Незаметно он задремал.

Черная скала отвесно уходила под воду. Где-то у самого дна она казалась неясной тенью, здесь же, у поверхности моря, сверкала и искрилась как отлакированная.

Недалеко от скалы в прозрачной воде неподвижно лежал Джафар. На нем была маска со шноркелем и ласты. Разбросав руки, он в упор разглядывал каменный выступ. Как и вся подводная часть скалы, выступ был густо облеплен ми-

диями. Створки ракушек были раскрыты, в них виднелось розовое мясо моллюсков — мидии всасывают воду, пропускают ее через свои сифоны и таким образом добывают пищу и кислород.

Но море колеблется. Вот вода схлынула с выступа, обнажив гроздь мидий. И моллюски, как по команде, захлопнули свои известковые домики. Набежала волна — ракушки разом раскрылись.

За широким стеклом маски лицо Джафара сморщилось в улыбке. Жаль, что у него фотокамера, а не киноаппарат. Снимать маленьких хитрецов надо так, чтобы видно было, как они «работают».

Он отплыл от скалы, перегнулся в пояснице, бесшумно ушел под воду и повис над загромаздившими дно камнями. Впрочем, камни только угадывались — они были густо покрыты кустиками коричнево-рыжей водоросли. Здесь, в зарослях цистозиры, всегда пасутся стаи рыбьей молоди, проплывают взрослые рыбы, нередко появляются короли Каспия — осетры. А на самом дне лежат на песчаных проплешинах головастые бычки.

Все это Джафар наблюдал много раз. Но сейчас бухта была пустынна. Ни в толще воды, ни на дне — ни единого живого существа. Странно!

Поднявшись, Джафар глотнул воздуха, снова нырнул. Перед глазами была та же картина: красивый подводный ландшафт — и ни одной рыбы.

Он оттолкнулся от плоского, как стол, камня, всплыл и, выбравшись из воды, стащил с лица маску.

Что же случилось с бухтой? Куда исчезла рыба? Может, ее распугали тюлени? Этих хищников

много в районе рифов. Однако растревоженная ими рыба всегда очень быстро возвращалась в знакомые места. А сейчас в бухте нет даже раков — больших серо-зеленых раков, которые в любую пору во множестве ползают в зарослях и между камнями. Подумать только, исчезли и раки!

Некоторое время Джафар был в нерешительности. Затем надел акваланг, пристегнул пояс с ножом, взял маску и вошел в воду.

Двенадцать метров глубины. Дно бухты. Он лег на мягкие водоросли, осторожно раздвинул пальцами скользкие веточки цистозир. Да, ничего живого. Повернувшись на бок, устремил взор к поверхности. И там пусто. Впрочем, вот перед стеклом маски промелькнули светлые стрелки — табунок мальков. Ну да эти не в счет...

Он подвсплыл, переместился на новый участок, осмотрел кустики водорослей. Ни бычков, ни раков.

Так, метр за метром, была исследована вся бухта. Джафар покинул ее и поплыл вдоль скалы. Он решил обогнуть под водой весь остров.

За рифами дно опускалось. Пловец оказался на склоне подводного холма, медленно двинулся вниз, вдоль пологого глинистого откоса. На водорослях и камнях стала проступать синева. И вода сделалась холоднее. Так бывает в поле перед дождем: только что ярко светило солнце, но вот его заслонила туча, все померкло, откуда-то потянул ветерок, холодит тело...

Он поднес к глазам руку с круглым глубиномером на запястье. Прибор показал двадцать два метра. Ого, вон куда забрался!

Еще несколько движений ластами, и скальное дно сменилось песчаным. За стеклом маски поплыла унылая серая равнина. Крупный серый песок, ни веточки водорослей, ни единой рыбы.

Дальше дно обрывалось. Джафар невольно остановился: выставил ладони, притабанил ими и повис над широким мутным провалом.

И здесь он увидел рака. Тот задом вылезал из провала, напрягался, дергал хвостом. Чувствовалось — трудится, тащит груз.

Вот рак выбрался на песок. В его клешне был зажат длинный белый лоскут. Поначалу показалось, что это обрывок ткани. Но нет, приглядевшись, Джафар понял, что добыча рака — мясо.

Он осторожно заглянул в провал. Из мрачной бездны торчало тело большого осетра. Брюхо метровой рыбы было вспорото по всей длине, в разрезе копошились бычки и раки.

Джафар тяжело дышал. Инстинкт властно звал вверх — туда, где тепло, свет. Но он пересилил себя, осторожно шевеля ластами, чтобы не задеть мертвую рыбу, стал спускаться в провал.

Снова осетры!

Он висел в воде вниз лицом. Перед глазами был черный ил, устилавший дно глубокой ямы. На дне громоздились большие рыбы — обезглавленные, со вспоротыми животами. Их тоже облепили подводные могильщики — бычки и раки, многие сотни этих тварей. Казалось, они собрались со всей округи.

Тишина. Сумрак. Мутная холодная вода. И — дюжина истерзанных рыбьих тел.

Джафар выбрался из этой странной могилы, всплыл, вылез на сушу.

Он долго пытался разобраться в случившемся, найти ему объяснение. Что за негодяи погубили осетров? Может быть, браконьеры? Похоже, что так: икру вынули, а рыбы туши побросали за борт, чтобы скрыть следы преступления. Но браконьеры прижимисты, алчны. Будут они швыряться центнерами осетрины!

Кто же погубил рыб?

Мелькнула мысль: осетров выловили честные рыбаки, но поднялся шторм, судно попало в беду, и вот — улов вернулся в море...

Он поморщился. Последние десять дней не было штормов. Да и весть о гибели любого судна мгновенно бы разнеслась по побережью.

Послышался рокот мотора.

Джафар поднял голову. Катер в этих местах?..

Он вскочил на ноги, стал карабкаться на утес, откуда было видно далеко вокруг.

Да, катер! В самом центре скального архипелага плыла большая черная шлюпка с двумя подвесными моторами за кормовым срезом.

«Фархад», — прочитал Джафар на ее транце.

— Вернитесь, — крикнул он, — эй, на катере, не ходите дальше!

Он продолжал кричать, но трое мужчин, сидевших на корме моторки, не шелохнулись. Вероятно, слишком громко трещали двигатели, люди не слышали.

Джафар взволнованно наблюдал за судном. Вот оно перед большим камнем. Еще миг, и катер врежется в скалу!.. Однако тот обошел пре-

пятствие и продолжал путь между подводными камнями.

Теперь моторка бежала по участку с самыми опасными рифами. Но рулевой даже не сбавил скорости. Катер вилял, его корму заносило на крутых поворотах, и рифы оставались в стороне. Казалось, они расступаются, чтобы дать дорогу смельчакам.

Джафар невольно залюбовался искусством рулевого. Это была работа высокого класса. Катерник знал рифы, как собственную квартиру.

Еще несколько минут, и моторка скрылась из глаз. Вновь тишина легла на рифы.

Джафар спустился к бухте, в раздумье присел возле воды. А подумать было над чем. Сразу вспомнилось, что спекулянт рыбой, которого преследовал капитан Белов, взял груз где-то здесь, на побережье. И именно здесь, в море, близ поселка, лежат в подводной яме обезглавленные, выпотрошенные осетры. Здесь же рыщет какой-то странный катер с двумя сильными подвесными моторами... Удивительные совпадения!

ГЛАВА ПЯТАЯ

СОЛИСТ УНИЧТОЖАЕТ СЛЕДЫ

Отъехав от рынка, голубое такси направилось в старую часть города. Небольшие обветшалые домишки лепились здесь вдоль извилистых улочек, иной раз столь узких, что на них не разминутся бы два всадника. Над строениями нависали древние стены со сторожевыми башнями, бойницами и

зубцами. Так выглядела старинная Крепость, много веков назад давшая начало городу. Здесь царили тишина и сумрак. От домов тянуло сыростью и прохладой. Человека, впервые попавшего сюда, не оставляло ощущение неизвестности, тревоги — казалось, в каждой подворотне подстерегает опасность...

Такси блуждало по Крепости. Водитель, опасавшийся, как бы за ним не увязался «хвост», старательно запутывал след. Наконец машина остановилась.

Некоторое время шофер сосредоточенно курил, прикидывая, как быть дальше. Вчера он угнал этот автомобиль с площадки технического обслуживания таксомоторного парка, где машина ждала очереди на профилактический ремонт. Он знал: раньше завтрашнего вечера ее не хватятся. Поэтому спокойно ездил по городу и окрестностям.

И вот — неожиданная встреча с офицером милиции. Хорошо, если это обычная проверка, случайность. Тогда можно решиться еще на один дальний рейс, привезти остатки товара. Но вдруг милиция уже ухватила за конец ниточки, начала распутывать клубок... Нет, пожалуй, не стоит рисковать. Однако лишний рейс — это деньги, большие деньги...

Деньги! Он сплюнул, грубо выругался. Сколько он помнит себя, всегда думал только о деньгах, охотился за ними. Иной раз выпадал крупный фарт, и он на время делался богатым человеком. Но деньги быстро исчезали. Тогда все начиналось сначала.

...Как же все-таки быть с машиной? Может, в самом деле рискнуть на рейс? Он с сомнением по-

качал головой. Нет, не стоит.

Это был матерый преступник, и сейчас его богатый профессиональный опыт, интуиция, инстинкт властно твердили: берегись!

Пошарив под сиденьем, он вытащил пучок пряжи — концы, как именуют шоферы этот обтирочный материал, и в течение четверти часа старательно орудовал ими в кабине: необходимо было уничтожить отпечатки пальцев, которые, конечно, будет искать милиция, как только обнаружит похищенный автомобиль.

Закончив, он сунул концы в карман, вылез из автомобиля и, не оглядываясь, пошел по пустынной улице.

Человек этот многое перепробовал на своем веку, был, что называется, «с прошлым». Начинал с воровства в гараже, где работал шофером. Потом — длинная цепь пре-

ступлений и даже «мокрое» дело, речь о котором ниже. В конце концов он был схвачен, осужден. Отсидев срок, месяцев восемь назад оказался на свободе. Однако, выйдя из колонии, не совершил новых краж, если не считать угона такси. Он целиком был поглощен поисками одного своего знакомого и больше всего на свете боялся, что не удержится, возьмется за старое и «сгорит», прежде чем отыщет этого человека.

Судьба столкнула их в одной из северных колоний, где Солист (такова была кличка преступника, предпочитавшего действовать в одиночку, без партнеров) был поставлен бригадиром на лесоповале. Началось с того, что одному из заключенных устроили в бараке «темную» — накрыли одеялом и принялись избивать. Бригадир вовремя подоспел к месту происшествия, защитил пострадавшего. Им оказался некий Владислав Буров, в прошлом торговый работник, осужденный на сравнительно небольшой срок за какие-то махинации на продовольственном складе. Он горячо благодарил спасителя, пытался отдать ему часть только что полученной посылки.

Но Солист стремился окончательно покорить сердце Букова и поэтому подношение отверг.

Мог ли думать Буров, что «темную» ему подстроил сам бригадир!

Однако это было так. Неделю назад в колонию прибыл очередной этап, и один из новичков, желая выслужиться перед бригадиром, сделал ему подарок — передал дозу гашиша. Дело происходило в зоне, вскоре после ужина, неподалеку от барачных. Солист тут же смешал наркотик с табаком, скрутил

папироску, закурил. Новичок стоял рядом и подобострастно улыбался. Вдруг он увидел проходившего в отдалении Бурова, удивленно присвистнул. Он пояснил Солисту: это крупный скупщик золота и драгоценных камней. Ловкач, каких свет не видывал. А сел по пустяковому делу. Выкрутиться, правда, не сумел, но был счастлив уже тем, что люди, которые вели следствие, так и не догадались о его второй и главной профессии!

— Откуда сведения? — спросил Солист.

— Да мы с ним из одного города! — воскликнул новичок. — Я сам у него золото брал. Я же, кроме всего прочего, зубной техник, мне золота много надо.

Он приводил новые подробности из жизни валютчика, сыпал именами, фактами. Солист слушал и... не верил. Однако решил все же прощупать этого человека.

Так родилась идея — организовать избиение Бурова и последующее его спасение сердобольным бригадиром. Солист полагал, что это неплохое начало для знакомства. Он не ошибся в расчетах. Буров клюнул. Да иначе и быть не могло. Бригадир в колонии — фигура видная. Человек, которому он покровительствует, приобретает большие преимущества.

Вскоре Солист убедился, что старается не зря. Однажды Буров остановил его и взволнованно сообщил: говорят, будто предстоит досрочное освобождение большой группы заключенных. Правда ли это?

Бригадир, сам распустивший этот слух, похлопал себя по карману, из которого торчала бумага,

и сказал, что уже составляют списки наиболее достойных.

Буров слушал, глядя на собеседника умоляющими глазами. Но тот не проронил больше ни слова.

На следующий день, когда они снова встретились, бригадир как бы между прочим заметил, что получил приказ присмотреть себе замену. Тут уж заключенному стало ясно, что его покровитель и друг вот-вот досрочно выйдет на волю. И он не выдержал, схватил Солиста за рукав, зашептал: бригадир не пожалеет, если и ему, Бурову, выхлопочет досрочное освобождение.

— Условия ставишь, — усмехнулся Солист. — А что я буду иметь с того?

— Что пожелаешь, — твердо сказал бывший торговый работник.

— Ого! — Бригадир рассмеялся. — Гляди, какой щедрый. Я, видишь, завязать решил. Домик мечтаю купить у теплого моря. Домик с садом. И чтобы машина была... Чуешь, сколько мне требуется?

— Я такой, что добро помню... Выйдем вместе, будет домик с машиной.

— Это все разговорчики. Верить тебе верю. Однако, покуда определишься на место да развернешься, сто лет пройдет. А мне ждать не с руки.

— У меня все готово. Ждать не будешь. Это денежки тебя ждут, бригадир, а не ты их.

Солист решил сделать последнюю проверку. Он заметил: поговаривают, будто закон готовится, снова будут менять деньги...

Буров тонко усмехнулся.

— Моим денежкам не страшны реформы...

Сказано было ясней ясного. Солист узнал все, что хотел.

Торгового жулика освободили через год с небольшим. Солист добился почти невозможного — вышел на волю в один и тот же день со своим подопечным.

Оба сияли от счастья. На радостях крепко выпили в поезде.

Утром, когда бывший бригадир заключенных проснулся, приятеля не оказалось в купе. Владимир Буров, что называется, отбыл не попрощавшись...

Солист долго колесил по стране, разыскивая обманувшего его валютчика. Следы Бунова привели его в этот город. Продолжая поиски, он на время изменил своему правилу — работать в одиночку, вошел в компанию браконьеров и стал поставщиком икры на черный рынок. Это было хоть и опасным, зато весьма прибыльным занятием. До сих пор браконьерам удавалось обманывать инспекцию рыбнадзора и благополучно обходить расставленные милицией ловушки. Вот только сегодня Солист едва не попался: за полчаса до того, как его остановил и допросил капитан Белов, он сдал спекулянтам около пятидесяти килограммов свежей осетровой икры...

Погруженный в раздумье, Солист медленно брел по улице. Он бодрился, внушал себе, что не произошло ничего особенного. Но на сердце было тревожно, росло ощущение надвигающейся опасности. И он вновь вспомнил о валютчике. Только бы добраться до него, хоть одним пальчиком дотянуться

до ловкача!.. А потом с большими деньгами рвануть подальше отсюда, как можно подальше!

Время близилось к обеду, но жара не спадала. Он медленно брел по раскаленному асфальту. Неподалеку от набережной зашел в крытый брезентом павильон. Здесь всегда имелось вкусное ледяное пиво.

Вскоре официант поставил перед ним две запотевшие бутылки. Пиво было налито в стакан. Солист уже поднес его к губам, как вдруг рука его задрожала, пиво расплескалось.

Сердце билось так, что удары отдавались в висках. Он с трудом подавил яростное стремление подбежать к столику в противоположном углу зала, заглянуть в глаза сидевшему там высокому худому человеку.

Человек этот был Владислав Буров.

Несколько минут ушло на то, чтобы прийти в себя, отдышаться. Наконец Солист успокоился. Он улыбнулся, вспомнив пословицу: «Не было бы счастья...» Слава богу, встретились!.. Уж теперь-то не ускользнет валютчик, раскроет кошелек. Домик и автомобиль? Ну нет, шалишь! Бурова он выпотрошит так, как потрошат икравого осетра!

Он залпом проглотил стакан пива, налил еще, с наслаждением выпил и вторую порцию.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПРЕСТУПНИК ИДЕТ ПО СЛЕДУ ПРЕСТУПНИКА

Буров долго сидел в павильоне. Осушив один чайник, потребовал новый, наполнил стакан и стал ждать, пока чай остынет. Наконец, покончив с чаем, раскрасневшийся, вытирая потное лицо большим клетчатым платком, направился к выходу.

Солист двинулся следом.

Они пересекли почти всю центральную часть города и оказались... в Крепости!

У Солиста тревожно заняло сердце. Что, если Буров держит путь к той самой улице, где осталось голубое такси? Быть может, там уже работают люди из милиции. Появиться на этой улице, рискуя столкнуться со «знакомым» капитаном, Солист не мог.

Но опасения оказались напрасными. Буров шел в другой район Крепости. Вот он остановился у ка-

кого-то дома, взялся за витую медную ручку на входной двери, исчез в парадном.

Минуту спустя Солист медленно проследовал мимо дома. Это было небольшое строение — четыре окна внизу, столько же на втором этаже. Здесь и живет валютчик? Можно было предположить, что так оно и есть: шел уверенно, дверь толкнул привычно, будто делал это неоднократно.

«Что ж, поглядим», — решил Солист.

Отойдя в конец улицы, он прислонился к стене, кинул в рот сигарету. Приготовился к длительному ожиданию. Однако минут через десять дверь открылась вновь, и валютчик вышел на улицу.

Солист «повел» преследуемого. Они покинули Крепость. Но теперь путь их лежал не к морю, а к гористой северо-западной окраине города. Здесь было много одноэтажных домиков, каждый —

с собственным двориком или садом, огражденным стеной из нетесаного ракушечника. У одного из таких домов, одиноко торчавшего в центре обширного пустыря, Буров замедлил шаги, сунул руку в карман.

— Ключи нашаривает, — пробормотал Солист. — Вот где его берлога!

Валютчик остановился возле крашенной охрой калитки, и в тот же миг за высокой стеной залилась собака.

— Абрек! — крикнул хозяин.

Лай оборвался. Собака заскреблась в калитку, заскулила. Буров вытянул из кармана связку ключей, отпер калитку и вошел. С той стороны ключ дважды повернулся в замке. Еще несколько секунд слышалось, как в глубине двора визжит собака. Потом все смолкло.

Солист недобро усмехнулся и пошел назад. По пути он обдумывал план действий. Явиться к Бурову в одиночку, разговаривать с глазу на глаз? Пожалуй, рискованно. Он уже имел случай убедиться, что это за птица. Но помощники потребуют часть добычи...

«Ладно, — решил он, — там будет видно. Да и не известно, какая это добыча».

Погруженный в раздумья, он медленно брел по улице. Сейчас, когда Буров был, наконец, выслежен, вновь нахлынули сомнения. А вдруг все это пустая затея? Могло же быть так, что Буров и заключенный-наркоман сговорились да и наврали Солисту с три короба о золоте и деньгах. Поэтому и улизнал этот тип, когда пришло время расплатиться: платить-то было нечем!..

Рассудив так, Солист решил предпринять еще одну проверку. К Бурову он все равно явится — пусть лишь для того, чтобы свести счеты за обман. Но прежде следовало окончательно выяснить, с кем имеешь дело. И тогда действовать наверняка.

Он в третий раз пересек центр города, снова оказался в Крепости, у двухэтажного дома с витой медной ручкой на двери, остановился возле подъезда. Судя по всему, в доме могло жить пять-шесть семей. Как же отыскать квартиру, в которой побывал Буров?

И тут взгляд его уперся в белую эмалированную табличку возле подъезда. То была вывеска зубного техника.

Он напряг память. Ну да, тот, что опознал в лагере Бурова, тоже был зубной техник!..

Несколько часов спустя, уже поздно вечером, Солист позвонил у двери квартиры, в которой жил зубной техник. Отпер хозяин — толстый торопливый человечек с широкими бровями вразлет, отчето темные маленькие глаза да и все его лицо казались озадаченными, удивленными.

— Зубы, — сказал Солист, когда его провели в кабинет и усадили в кресло. — Хочу, чтобы золотые зубы!

— Но зубы у вас в порядке. Ну-ка! — Техник засуетился, ловко выхватил вставную челюсть изо рта клиента. — Ведь недавно делали?

— А теперь хочу, чтобы были золотые, — прошамкал Солист. — По четыре сверху и снизу.

— Но зачем?

— Для шику. — Солист отобрал челюсть, вставил на место, подвигал губами. — Хочу, чтобы сверкало во рту, когда разговариваю. Бабам нравится!

— А золото?

Посетитель молча развел руками.

— И у меня нет, — сказал техник.

— Найдешь, если захочешь!

— А почему я должен... захотеть?

— Двойную цену возьмешь.

— За восемь зубов? — прошептал техник, пытаясь от кресла.

— Дважды восемь — будет шестнадцать. — Солист небрежно откинулся в кресле. — Назови цену!

Техник молчал. Его не оставляла мысль, что странный посетитель подослан. Но постепенно тревога слабела. Слишком уж груб и нагл был сидев-

ший перед ним человек. Похож на торгаша с шальными деньгами.

И техник решил прощупать клиента. Сделав в уме подсчет, он сказал цену.

Услышав, сколько будут стоять зубы, Солист широко ухмыльнулся.

— Ну, слава тебе господи, — воскликнул он. — Я не ведал, что в такой цене у вас золотишко!

С этими словами он извлек из внутреннего кармана пиджака тяжелый мешочек. Вскоре мешок был развязан, края отогнуты. Содержимое заискрилось в лучах подвешенной над креслом сильной лампы.

Брови техника полезли вверх.

— Золото! — одними губами сказал он.

— Песочек, — строго поправил Солист. — А есть и самородочки. Все есть, милый. Возьмешь?

У техника язык прилип к гортани. Широко раскрытыми глазами глядел он на посетителя. До сих пор он только слышал о «золотых королях» Севера. Те связаны с приисками и старателями, получают оттуда левое золото, колятся по стране и реализуют его верным людям.

— Будешь брат? — повторил Солист.

— А... много?

Вместо ответа посетитель бросил на стол еще два мешочка.

— Хватит денег, еще принесу.

Техник как зачарованный смотрел на тугие, тяжелые мешочки. Потом осторожно протянул к ним руку.

— Не трожь, — сказал посетитель. — Не купил, так не лапай!

— А как же проверка? Кто возьмет у вас без проверки!..

— Сперва уговор, потом проверяй, сколько душе угодно. — Солист презрительно скривил губы. — Любых специалистов призови... Ну, будешь брат? Денег-то хватит? Все возьмешь — скидку сделаю. Я, малый, за ценой не гонюсь. Мне лишь бы скорее...

— Все — это сколько?

— Четыре кило с лишком. Песочек и самородное.

— Я... должен посоветоваться, — выдавил техник. — Один не могу решить.

— Или денег нема? — Солист стал собирать мешочки. — Вижу, кишка у тебя тонка!

Техника задело.

— А вы не волнуйтесь, — сердито сказал он. — Не у меня, так у других найдутся. На весь товар хватит. Конечно, если договоримся о цене.

Это было все, что хотел узнать Солист.

— Лады. — Он встал с кресла. — Когда встретимся?

— Завтра, в это же время.

Солист покачал головой.

— Вечером буду занят. Вот ежели утром... Утречком, а?

— Приходите!

Техник проводил посетителя. В дверях тот обернулся:

— Ты, малый, поберегись, ежели стучать задумал. Шкура-то у тебя не казенная. А я, брат, не один. Меня возмут, дружки до тебя дотянутся. Пришьют, вздохнуть не успеешь!

Выйдя на соседнюю улицу, Солист швырнул в урну мешочки, которые так взволновали техника. В каждом под слоем медных опилок был песок и для тяжести кусочки свинца.

Покончив с «золотом», он спрятался за чьим-то забором и стал наблюдать за домом техника. Все складывалось как нельзя лучше. Встреча назначена на утро — следовательно, техник уже в ближайшее время должен отправиться к тому, у кого денег «на весь товар хватит».

Куда же он пойдет?

Миновало полчаса. И еще полчаса. Из дома никто не выходил. Солист стал беспокоиться. Быть может, в доме есть телефон... Нет, о таких вещах по телефону не болтают.

Значит, ждать!

В начале одиннадцатого часа входная дверь отворилась. Солист узнал суетливого человечка. Тот оглянулся по сторонам и запетлял темными кривыми улочками, выбираясь из Крепости.

Солист не обманулся в своих расчетах. Техник напрямик направился на северо-западную окраину города. Вскоре он уже звонил у желтой калитки. Дверь отворилась, посетителя впустили.

...Время близилось к полуночи, когда зубной техник вновь появился на улице. Солист, прятаясь неподалеку, в густой тени широколистого инжирового дерева, разглядел и того, кто вышел проводить гостя. Это был Буров.

Вот техник просеменил мимо дерева, возбужденный, веселый.

— Радуюсь, подлюга, — процедил Солист. — Ну и я доволен!

И он неторопливо зашагал в противоположную сторону. Техник его больше не интересовал.

Буров тщательно запер калитку и вернулся в дом, размышляя над тем, что узнал. Он испытывал двойное чувство: предвкушение выгодной сделки и — тревогу. Нет, у него не возникло подозрений относительно приходившего к технику человека. Такое случалось и раньше. Тот, кто промышляет

золотом, должен искать партнеров. Коммерцией он занимается не один десяток лет, до сих пор избегал провалов. Но потому избегал, что был осторожен. А сейчас чувствовал неуверенность. Слишком быстро стал действовать в этом новом для него городе. Слишком доверился новому посреднику. Даже адрес свой дал, чего прежде никогда не делал. А тот после визита торговца золотом, не разобравшись толком, с кем имеет дело, взял да и примчался сюда. Неосмотрительно!

Буров досадливо покрутил головой... Ну, да сделано! Прошел к шкафу, достал початую бутылку коньяку и плитку шоколада, вернулся к столу, наполнил стопку. По странному совпадению, завтра его день рождения. Впрочем, уже сегодня: стрелки часов показывают половину первого ночи.

Он поднял стопку, коснулся ею бутылки. Стопка тоненько звякнула. Итак, шестьдесят два года!..

Буров не сетовал на то, что в такой обстановке отмечает эту дату. Он давно привык к одиночеству, не желал иной жизни. Он медленно высосал коньяк, положил в рот кусок шоколада. Задумался. Потянулась ниточка воспоминаний. Но в них не было места ни жене, ни двоим сыновьям. Где они, живы ли, его никогда не интересовало. С того дня, когда еще молодым человеком он покинул свой дом, все это было как бы отрублено.

Зато в памяти подробно запечатлелся первый большой успех. Город на севере. Пятиэтажное здание геологического треста. Он, кассир треста, сидит в своей конторке у настешь раскрытого сейфа. Же-

лезный шкаф полон денег, только что привезенных из банка. Завтра надо ехать в тайгу, чтобы раздать эти деньги партиям поисковиков.

Но он не поехал.

Незадолго до конца рабочего дня сотрудники бухгалтерии обступили кассира, который внезапно почувствовал себя плохо. Теряя силы, кассир запечатал сейф. Затем на машине директора его отправили домой.

Могло ли кому-нибудь прийти в голову, что «заболевший» кассир тайно увез с собой добрую половину содержимого сейфа?

Два следующих дня, нацепив очки с желтыми фильтрами, он орудовал на городской толкучке — задешево скупал у воров и пьяниц облигации государственного займа. Он вложил в «дело» все то, что унес из сейфа, и все свои сбережения, став обладателем облигаций на огромную сумму.

Еще через день в городском театре состоялся тираж выигрышей этого займа. Скорчившись в кресле одного из последних рядов театрального зала, он лист за листом списывал свой блокнот.

Все эти дни он отчаянно рисковал. Достаточно было, чтобы кто-нибудь из работников треста опознал его на толкучке или в театре. Но он все поставил на карту.

Вернувшись домой, он не спал ночь, сверяя записи в блокноте с номерами своих облигаций. Утром, когда он тяжело поднялся из-за стола, его шатало от счастья.

С помощью знакомого врача из поликлиники он

«болел» до тех пор, пока сберкассы не начали выплату выигрышей по последнему тиражу. Впрочем, дважды за ним присылали машину, и он ездил в учреждение, чтобы обеспечить отправку сотрудников в неотложные командировки.

А потом работники бухгалтерии тепло проводили кассира, который, едва оправившись от болезни, тотчас выехал в трудное таежное путешествие. Кассир скромно улыбался. Сидевший с ним в машине вооруженный охранник не спускал глаз с туго набитых портфелей.

Месяц спустя он вернулся из поездки и реализовал несколько облигаций, на которые пали крупные выигрыши. Это был чистый барыш. И все деньги пошли на покупку новой большой партии облигаций.

Теперь он жил ожиданиями: тиражи, проверка облигаций и получение выигрышей, скупка новых пачек государственных ценных бумаг, снова тиражи...

Так он начинал. Вскоре взял расчет и уехал из города: почувствовал, что к нему присматриваются. На новом месте, устроившись заведующим складом, действовал только через подставных лиц. Да и те, исключая одного-двух особо доверенных, не знали, на кого работают. Осторожность была тем более необходима, что к этому времени он стал интересоваться золотом и валютой.

И — внезапный арест!

Милиция пришла за ним на работу. Он был потрясен: здесь, на складе, служившем ему прикрытием, всегда все было в полном порядке — ника-

ких недостатков или излишков. Что же тогда интересовало оперативников? Он уже не сомневался: милиция располагает данными о его золоте. Он едва сдерживался, чтобы не закричать от страха, готов был во всем признаться, лишь бы получить минимальное наказание. Однако после первого же допроса стало ясно: о золоте милиция и не подозревает. Дело было в ином. Проворовалось торговое начальство. Складчика оно использовало «втемную» — тот не знал, что принимал на хранение левую продукцию... Был громкий процесс. Начальству определили длительную отсидку. Ему же вlepили сравнительно небольшой срок.

Колония... Буров иронически усмехнулся, вспомнив тамошнего бригадира, последнюю встречу с ним, когда они уже были на свободе.

Он вновь потянулся к коньяку, наполнил стопку. Да, с бригадиром получилось неплохо. Можно только представить, какое у него было лицо, когда после попойки в вагоне он продрал очи и обнаружил, что приятеля нет. А Буров уже был далеко: на всех парах мчался туда, где запрятанное в надежном тайнике золото столько времени ждало своего хозяина!

Он встал, походил по комнате. Остановившись возле окна, критически оглядел свое жилье. Дом как дом. Куплен был вскоре после того, как он переехал в этот город. Потянуло к теплему морю. Да и «товару» здесь не меньше, чем где бы то ни было. Одно выгодное дельце уже удалось обтяпать. Завтра предстояло другое. Значит, прибавится золотишка! А хранить его есть где. Оборудован такой прелюбопытный тайничок — весь дом перетря-

си, не обнаружишь. Там уже покоится то, во имя чего он жил все эти годы. А завтра золота в тайнике будет еще больше!

Он отхлебнул коньяку, покатал его во рту, с удовольствием проглотил горькую, обжигающую жидкость.

В эти минуты Солист заканчивал важный разговор. Собеседником был человек средних лет — Челах,* прозванный так за хромоту: в молодости

* Челах — калека (азерб.).

он сломал ногу, та срослась неправильно, стала короче. Беседа происходила в каморке Челаха, на противоположном конце города.

Челах сидел у стола, кулаками подперев скулы. Солист, рассказывая, шагал из угла в угол и непрерывно курил. Вот он раздавил окурочек в грязном блюде на краю стола, подсел к Челаху.

— Теперь знаешь все. Заметано?

— Адресок его назови, — негромко сказал Челах.

— Таю до времени. — В голосе Солиста был вызов. — До того, как все обговорим.

— Не на мокрое тянешь?

— Опасаешься зря. Как увидит меня, мигом развяжет мощну! — Солист грудью навалился на стол, приблизил лицо к собеседнику. — Не привередничай — дороже обойдется! Или забыл Ибрагима?

Челах вздрогнул. Как живой, встал перед глазами тот, кто лет двадцать назад свел его с Солистом. Втроем они действовали здесь же, на Каспии: обирали сети рыбаков, тащили что плохо лежит — на промыслах и в порту. Шайка прикончила выследившего ее инспектора рыбнадзора. Когда убийство раскрылось, Ибрагим по приказу Солиста взял вину на себя. Убийцей был Солист, а за решетку сел Ибрагим. Так и не выдал: пуще тюрьмы боялся Солиста!

— Может, один справишься? — осторожно сказал Челах, очень хотевший остаться в стороне от этого дела.

— Трое пойдем! Дело верное. Желаю, чтобы каждый долю имел. Большая будет доля!

Челах промолчал. Солист заботится о дружках? Как же, держи шире карман!.. Сообразил, что один не справится, вот и зовет подсобить. Ни перед чем не остановится, чтобы вытянуть у валютчика золоти. Может и прибить... Опасно ввязываться. А как откажешься? Запомнит, найдет случай расчитаться. Тяжелый человек. Тяжелый и скрытый. Челах много раз убеждался в этом: скоро год, как они вновь действуют вместе...

Год как вместе! Сейчас хозяин комнаты проклинал день и час, когда после стольких лет разлуки вдруг опознал Солиста возле какой-то столовки, накормил, повел к себе ночевать: тот был совсем на мели.

Челах промышлял тем, что в компании с дружкой браконьерствовал в море. Кроме того, верным людям давал деньги под проценты, добывал липу — фальшивые документы. Солист, вернувшись из тюрьмы, стал третьим в шайке. Поначалу не думал долго задерживаться на Каспии. Хотел разок другой сходить в море, разжиться деньгами. Говорил, что должен ехать в другие места: разыскивает кого-то. Потом остался — икра, красная рыба давали отличный доход. Как-то само собой получилось, что он подмял остальных, стал главным. Сам возил товар перекупщикам. Члены шайки быстро узнали, как жаден и скуп главарь. Подозревали, что Солист утаивает часть вырученных денег, однако помалкивали до поры до времени. Боялись.

— Как же теперь будет с рыбкой? — спросил Челах. — Выходит, рыбка побоку?

— Отчего же? Будем пока ходить в море. Чего ей зря пропадать, рыбке-то!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

НОЧНОЙ ДОКЛАД УЧАСТКОВОГО

Ранним утром к одинокому домику на северо-восточной окраине города подъехал милицейский автобус. Здесь уже ждал постовой милиционер. Он молча отворил калитку и пропустил во двор высадившуюся из машины оперативную группу.

Работники милиции прошли в дом, где произошло убийство. Белов задержался у входа, чтобы побеседовать с участковым уполномоченным — тот первый узнал о случившемся, раньше других прибыл на место происшествия и позвонил в городской отдел.

Выяснилось, что дом этот частный и лишь месяца полтора назад переменял владельца. Новый хозяин лежит сейчас бездыханный у себя в комнате.

— Удивительно, — сказал участковый, — купил дом и в тот же день обзавелся свирепой собакой. Будто боялся чего-то...

— А где собака? — спросил Белов.

Участковый показал на угол двора. Там, возле стены, сложенной из глыб дикого камня, лежала на боку большая кавказская овчарка. Ее раскрытые глаза были неподвижны, из пасти вывалился синий язык.

— Должно быть, отравили, — сказал участковый.

— Как вы узнали о происшествии?

— Из-за нее. — Милиционер показал на собаку. — Соседский мальчик встает на рассвете, выгоняет козу пастись на пригорок. И всякий раз, когда он с козой проходил мимо этого дома, овчарка чужла его, надрывалась в лае. А сегодня не подала голоса. Мальчику это показалось странным. Он взял камень, швырнул через стену. Оттуда ни звука. А тут как раз я иду...

— Понятно, — сказал Белов. — Охарактеризуйте покойного, да подробнее.

Оказалось, что в дни, когда новый владелец въезжал в дом, участковый получил санаторную путевку и отбыл на лечение. Из отпуска вернулся только позавчера.

— Так что толком его не знаю. Документы, конечно, проверил...

Из дома вышел помощник Белова. Шумно вздохнул. Сдвинув на затылок фуражку, вытер лоснящееся от пота лицо.

— Хозяин задушен, собака отравлена, улики кот наплакал, — сказал он.

— Установили причину преступления?

— Скорее всего ограбление. Впрочем, еще следует разобраться. — Помощник взглянул на участкового. — Покойного звали?..

— Щекин Василий Михайлович.

— Правильно. — Помощник полистал паспорт, который вынес из дома. — Правильно, Василий Щекин, год рождения девятьсот пятый, место рождения...

— Ладно, идемте в дом, — сказал Белов.

Он уже настроился на то, что увидит беспорядок, хаос — обычную картину помещения, в ко-

торое ворвались бандиты, совершили тяжкое преступление. И все же, открыв дверь, ошеломленно остановился на пороге. Все в доме было искалечено, разбито, перевернуто вверх дном — квадратный обеденный стол, второй стол поменьше, шкаф с бельем и одеждой, два чемодана в углу. У самого порога лежало на боку старинное плюшевое кресло: ободранное сиденье, торчащие во все стороны пружины...

А в глубине помещения стояла на высоких ножках никелированная кровать. В ней лежал убитый.

Белов откинул простыню, которой было прикрыто тело. Он сразу узнал покойника — фотография на паспорте была очень отчетливая.

На трупе имелось множество мелких ран, точнее — царапин. Ни одна из них не могла быть причиной смерти.

— Задушен, — сказал за спиной Белова участковый. Он показал на подушку, косо прислоненную у изголовья. — Вот этой. Видите, следы зубов...

Белов механически кивнул. Сейчас больше всего его интересовали порезы на груди и животе убитого. С минуту он соображал, потом обернулся к офицерам:

— Он был связан?

— Да, — сказал помощник. — Мы всё зафиксировали. Потом я срезал веревки, убрал: узлы...

— Понятно, — кивнул Белов.

Узлы — важное вещественное доказательство. Люди разных профессий по-разному вяжут узлы...

— Вроде бы пытали его, — проговорил участ-

ковый. — Принуждали сказать что-то... Такое у меня впечатление.

Белов неторопливо обошел комнату, осмотрел разбросанные вещи. У опрокинутого гардероба валялась пара ношенных туфель, неподалеку — две пары еще не надетых. Здесь же лежали новый костюм, шуба с дорогим каракулевым воротником. В раскрытом чемодане виднелся отрез шерстяной материи.

— Вот я и удивляюсь, что не взяли их, — пробормотал помощник. — А вещи-то дорогие!

Белов рассеянно оглядел комнату. Что же искали убийцы? Может, какие-то документы?

Взгляд следователя задержался на окрашенной зеленой масляной краской стене. На ее гладкой поверхности проступали едва заметные пятна.

Он отошел к дальнему от окна концу комнаты, прижал щеку к стене, поглядел против света. Свет падал косо, на стене обозначились десятки крохотных впадинок.

— Стену выстукивали, — сказал Белов.

Один из офицеров, осматривавший полку с посудой, вдруг достал нож, раздвинул лезвием слои фанеры и вытащил запрятанный там паспорт.

Оба паспорта — тот, что был выписан на имя Шекина, и второй — раскрыли, положили рядышком на столе. Фотография на них была одна и та же. Но владельцем второго паспорта значился некто Владислав Буров.

— Из бывших заключенных, — сказал Белов, прочитав запись во втором документе. — Он передал документы помощнику. — Убежден, что покой-

ный был прописан и жил в этом доме по липе. Но все равно, проверьте оба. Как можно быстрее!

Проверка паспортов отняла сутки. Белов оказался прав. Попутно выяснилось, что, выйдя из заключения, Владислав Буров не совершил ничего предосудительного. И тогда возник новый вопрос: зачем ему понадобилось жить нелегально, по фальшивому паспорту?

По требованию Белова домик на северо-восточной окраине города — его стены, пол, кровлю, прилегающую территорию — тщательно исследовали специалисты. Пустот и тайных хранилищ не нашли.

Проходили дни, а милиции не удавалось напасть на следы убийц. Убийц — потому что, по всей вероятности, преступников было трое: сторож продуктового магазина, расположенного в сотне метров от домика Букова, видел в ту памятную ночь, как к дому приблизились трое неизвестных. Было темно, люди находились далеко, и он разглядел только силуэты. На рассвете трое каких-то людей прошли в обратную сторону...

Поиски преступников продолжались. Шаг за шагом милиция прочесывала город и порт. Каждую ночь двое оперативников скрытно пробирались в домик покойного и оставались там до рассвета — те, кто выстукивал стены домика, могли вернуться...

Однако все было безрезультатно. И когда со

дня преступления истекла неделя, Белов решил отказаться от ночных засад в доме.

В этот день он много работал, лег поздно. А незадолго до наступления утра его поднял с постели телефонный звонок. Говорил участковый уполномоченный. Совершая обход участка, он заметил у дома Букова подозрительных. На приказ остановиться те ответили выстрелами и скрылись — их ждала машина.

Белов выехал на место.

При свете фонаря он увидел, что примыкавший к дому угол двора разрыт.

— Странно, — сказал участковый. — Копали только здесь. Нигде больше не тронули.

— А где стояла собачья конура? — спросил Белов. — Не на этом ли месте?

— Точно, — сказал участковый.

— Вот и разгадка. Преступники рассуждали так: если ценности запрятыны во дворе, то скорее всего их закопали там, где стоит конура свирепой собаки. В том месте они и стали рыть.

— Просто, — сказал участковый.

— Просто. — Белов задумался. — А они упорные: даже ухитряются следить за милицией. И делают это не без успеха. Семь дней мы ждали их в доме, они же пришли на восьмой, когда засада была снята... Но к делу. Итак, вы спугнули преступников, они удрали, не закончив работы. Это правильно?

Участковый пожал плечами.

— Но они и не могли ничего найти, — воскликнул Белов. — Весь двор мы прошупали приборами. Весь двор!..

Внезапно он запнулся, будто пораженный какой-то новой мыслью. Наморщив лоб, нерешительно поглядел на окружающую двор каменную стену, медленно двинулся к ней. Подошел, оглядел глыбы ракушечника, из которого была сложена стена, потрогал пальцем одну из них. Потом ухватился за нее обеими руками, потянул. Глыба сидела прочно. Соседние были тоже намертво цементированы в стену. Белов продолжал проверять камни. И вдруг одна из глыб подалась. Немного повозившись, Белов и участковый вынули ее из гнезда.

В стене образовался проем. Белов сунул туда руку — она ушла по локоть, по плечо. И только тогда, глубоко внизу, кончики его пальцев нащупали что-то холодное, гладкое...

Белов медленно вытянул руку с зажатой в ней литровой консервной банкой. Ее вскрыли. Банка была набита золотыми монетами.

Первым обрел дар речи участковый.

— Может, там еще есть, — пробормотал он.

Белов вновь погрузил руку в тайник.

Да, в стене была и вторая банка и третья...

Удача не приходит одна. Вечером был получен ответ на запрос в колонию, где отбывал заключение Владислав Буров. Следствие интересовали связи покойного. В присланном пакете оказалось несколько справок и фотографий людей, выпущенных в одно время с Буровым. На одном из снимков Белов опознал человека, которого преследовал вместе с Джафаром.

И снова мчалась «Ява» широкой дорогой, соединяющей поселок морских нефтяников с городом. Мотор пел свою песню, спидометр отщелкивал километр за километром.

У Джафара было отличное настроение. Вчера бригада закончила проходку скважины. Когда смолк грохот лебедки, нефтяники собрались у бурильного станка. Мастер, молодой инженер, извлек из кармана спецовки логарифмическую линейку, блокнот с записями, принялся за подсчет результатов работы. Все столпились вокруг. На островке воцарилась непривычная тишина.

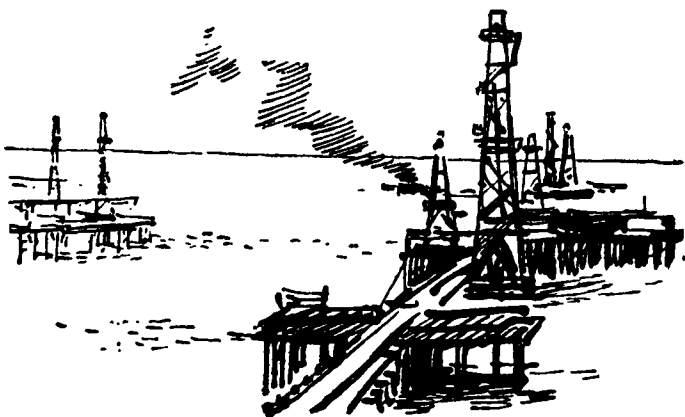
— Сколько? — не выдержал Джафар.

— Плюс девять суток, — улыбнувшись, сказал мастер и озорно присвистнул.

Все разом вздохнули, заговорили: известие было очень приятное.

Итак, буровики свое дело сделали. Слово теперь за рабочими нефтепромысла. Если и они не промедлят с подготовкой скважины, все будет в порядке. «Плюс девять суток» — это лишний эшелон нефти для государства и, кроме того, большая экономия. А те, что досрочно пробурили скважину, получают солидную премию.

Вот и двадцать четвертая, от которой недавно проложили трубопровод к берегу, день ото дня добреет. Она дает уже по сто двадцать тонн нефти в сутки, больше любой другой на промысле.

Хорошие, словом, дела!

«Ява» чинно проследовала через перекресток, памятный Джафару по недавней гонке, и тотчас прибавила скорость. Джафар должен был торопиться: где искать капитана Белова, если он опоздает и рабочий день в учреждениях будет закончен!..

В городе, у здания милиции, он смело поставил мотоцикл между автомобилями с красной полоской по борту, вошел в телефонную будку, набрал номер.

Они сидели рядышком на диване. Джафар только закончил рассказывать, как на письменном столе зазвонил телефон. Белов перегнулся через стол, снял трубку.

— Занят, — сказал он, выслушав невидимого собеседника, — занят с товарищем. Позже зайдешь. А пока запиши. Моторная лодка с черным корпусом. На кормовом срезе полукруглая надпись «Фархад». Два подвесных мотора. Лодка замечена в море, близ поселка, который у тебя на примете. Выясни, где она зарегистрирована, место стоянки. Установи владельца. Все это срочно.

Белов положил трубку.

— Спасибо, что не поленился, приехал в город, — сказал он Джафару. — Вот и я вспоминал тебя. Как раз сегодня думал: «Надо бы навесить знаменитого гонщика». А он, оказывается...

— Кто же погубил осетров? — перебил Джафар. — Неужели браконьеры?

— Они!

— Ловят рыбу и снова ее — в море?

— Бывает и так. Видишь ли, мясо осетров ценность, но не самая большая...

— Понимаю: икра! Но покупатель найдется и на мясо. Какой же дурак будет выбрасывать его за борт?

— Одного такого ты видел. И это вовсе не дурак, а опасный и хитрый преступник.

— Неужели таксист?

— Он такой же таксист, как ты или я.

Джафар был ошеломлен, молча смотрел на собеседника.

— Ну что ж, слушай, — сказал Белов. — Я хоть и дал тебе номер своего телефона, не думал, что понадобишься. Полагал, как-нибудь позвонишь, мы выберем время, встретимся, покажешь свою буровую... А теперь выяснилось, что надо бы разыскать тебя. Слушай, Джафар. В тот раз, разговаривая с шофером такси, я знал, что он лжет. Ехал-то он совсем с другой стороны, нам это точно было известно.

— Я так и понял. Понял, что не веришь ему. Признаться, удивился...

Белов кивнул. Он продолжал:

— Поначалу хотел было задержать водителя. Потом передумал. Решил, что полезнее дать ему погулять, чтобы понаблюдать за ним. Это, как я полагал, не составляло труда: фамилия, место работы, номер машины — все нам известно. Оказалось, в таксомоторном парке такого шофера нет и никогда не было.

— А машина?

— Нам заявили: стоит в парке, ждет очереди на профилактический ремонт.

— И ее не оказалось, когда проверили?

— В том-то и дело. Накануне ее угнали. На этой базе такие порядки, что это проще простого. Конечно, я поднял тревогу. Через два часа машину нашли. Она была брошена.

— Опытный, гад, — сказал Джафар.

— Очень опытный, — подтвердил Белов. — Сам подумай: ночью угнал машину, а наутро выехал на ней в город со всеми необходимыми документами. Все у него было в порядке — я же сам проверял!

— Так и исчез зубастик?

— Как тебе сказать...

Белов вынул из стола большое фото. На снимке были изображены столкнувшиеся автомобили: грузовик врезался в заднее крыло «Волги».

— Здорово вмазал, — сказал Джафар, рассматривая искореженный багажник легкового автомобиля. — Совсем угробил машину.

— Здорово, — согласился Белов. — А теперь определи, что это лежит на дороге, между задними колесами «Волги». Внимательнее гляди!

Джафар долго рассматривал странные серые сгустки, вывалившиеся из разбитого багажника «Волги».

— Икра, — сказал Белов. — Шестьдесят килограммов зернистой икры было в багажнике автомобиля!

— Машина чья?

— Частная. Но это неважно. Ее тоже угнали, через двое суток после того, как мы выяснили эту историю с такси... И вот — авария. Водитель «Волги», который не виновен в столкновении,

стремглав бежит к телефону, чтобы звонить в милицию... — Белов скривил губы. — До сих пор никак не дозвонится...

— Зубастик?

— Водителя «Волги» никто не запомнил. И все же это был он.

— Почему такая уверенность?

— На угнанном такси, а потом и на разбитой «Волге» были обнаружены следы. Выяснилось, что они принадлежат одному и тому же лицу. Разумеешь? Кто этот человек, мы знаем. Повторяю: очень опасный рецидивист. Ищем его, но пока безрезультатно. А время идет. Он, может быть, готовит новые преступления.

— Теперь понятно, зачем я понадобился, — сказал Джафар.

— Да, мы с тобой хорошо запомнили его лицо, помним голос, жесты, походку...

— Кольцо на пальце левой руки!

— Ну, кольцо он, конечно, снял. Впрочем, всякое бывает. Может, продолжает носить. Джафар, я могу рассчитывать на твою помощь?

— Конечно. Но что я должен делать?

— Пока ничего. Когда понадобишься, я позволю тебе. Или приеду в поселок... Само собой, если ты вдруг где-нибудь увидишь его, обратись к любому работнику милиции. Назови мою фамилию, объясни, в чем дело. Тебя поймут.

— Ясно, — сказал Джафар.

Белов проводил его до двери.

У входа Джафар обернулся.

— А все-таки почему выбросили осетров?

— Чудак человек! Когда позволяют обстоя-

тельства, браконьеры торгуют и мясом красной рыбы. Но мясо быстро портится. Осетровые туши громоздки. Их не всегда скрытно провезешь в город...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ГЛЯДИ В ОБА, ДЖАФАР!

Где-то за скальным архипелагом клонилось к воде заходящее солнце — изжелта-красное, тусклое, будто остывающий слиток меди. Вскоре двугорбая скала заслонила солнечный шар. И тогда в столпившиеся над горизонтом темные кучевые облака ударили багровые стрелы.

Все, кто был на буровых в море, прервали работу, с тревогой посмотрели на горизонт. Такой закат предвещал сильный ветер.

Еще несколько минут облака полыхали в огне, затем сумрак лег на воду и землю. В густых синих тенях утонул поселок нефтяников — два ряда домиков с садами, вытянувшихся вдоль песчаного пляжа.

Поселок казался пустым. Обсаженная деревьями улица была безлюдна. В домах не зажигали огня. Так уж здесь заведено: привезут из города новый фильм, и в клубе собираются все жители. Сперва смотрят картину, потом молодежь танцует в фойе, а взрослые глядят на них и судачат.

Так было бы и сегодня. Однако в середине сеанса вдруг дали свет и на сцену вышел директор конторы бурения.

— Только что получена штормовая, — сказал он. — Ждем до восьми баллов.

Он умолк. Никаких дополнений не требовалось. За год на Каспии едва набирается пятьдесят тихих дней. В остальные — штормит. Для нефтяников, чья жизнь проходит в море, непогода дело привычное. Когда поступает штормовое предупреждение, каждый знает свои обязанности.

Некоторое время директор наблюдал, как группы зрителей покидают зал, потом тоже ушел.

Для тех, кто остался, сеанс возобновили. В клубе механик крутил веселую комедию, а в домах поселка нефтяники надевали сапоги и брезентовые плащи с капюшонами и спешили на пристань.

Широкий деревянный настил пристани был залит светом прожекторов. На воде покачивались катера и киржимы. Ревели прогреваемые моторы. Люди в плащах привычно прыгали на палубы судов, отдавали швартовы. Суда отваливали и исчезали в темноте. Предстояло обойти островки с вышками, проверить работающие скважины, а с тех, что еще бурились, снять и доставить на берег людей.

К полуночи работа была завершена. Последним вернулся катер с Джафаром и его товарищами.

Рабочие выбрались на пристань, гурьбой устремились в поселок.

Поселковая площадь была пустынна. В центре стоял столб с громкоговорителем. Дикторы заканчивали передачу ночного выпуска известий.

Джафар замедлил шаги, остановился возле столба. Он был в нерешительности. Несколько часов назад, когда далекий островок вел по радио очередной разговор с конторой бурения, мастер вдруг поманил Джафара пальцем, передал ему трубку.

Между директором конторы бурения и Джафаром состоялся следующий диалог.

— Мне сейчас звонил из города капитан Белов, — сказал директор. — Знаешь такого?

— Да, да, — поспешно ответил Джафар и плотнее прижал трубку к уху. — Я слушаю!..

— Белов просил связаться с ним по телефону, как только окажешься на берегу.

— Я только ночью приду с моря...

— Ночью и позвони. Он очень просил.

И директор выключил связь.

Сейчас Джафар не знал, как поступить. До конторы бурения — добрых два километра. Тащить туда, будоражить сонного дежурного... Да и неизвестно, на месте ли дежурный: вдруг запер помещение, ушел на пристань или еще куда-нибудь. Будешь тогда сидеть и ждать...

Джафар потер в раздумье лоб. Вдруг он заметил освещенное окно. Поселковая почта! Там тоже был городской телефон — единственный на весь поселок. Только бы разрешили поговорить!..

Окно почтового отделения было распахнуто. В комнате сидел старик в сетке с непомерно широкими рукавами и ловко перебрасывал костяшки на счетах. Джафар легонько побарабанил пальцем по створке окна. Старик поднял голову, снял очки и, близоруко шурясь, поглядел в темноту.

— Здравствуй, Теймур-даи, — искательно сказал Джафар. — Опять все спят, а ты горишь на работе. Зачем огорчаешь любящих тебя жителей поселка?

— Здравствуй и ты, свет моих глаз, — последовал ответ. — Интересно, какой шайтан привел тебя к этой обители в столь поздний час?

В прошлом старик был учителем в медресе. Он не раз рассказывал, как повздорил со своим духовным начальством. Дело дошло до драки, пастыри надавали друг другу пощечин. Инцидент можно было замять, но строптивый муэллим отказался принести извинения. Он оставил выгодную должность и сделался... актером в провинциальном театре, где одинаково плохо играл владельцы гаремов и их наложниц; в ту далекую пору в азербайджанском театре все роли исполняли только мужчины.

Разные слухи ходили о дальнейшей деятельности Теймура-даи. На склоне лет судьба определила ему заведовать почтой в этом поселке. От бывшего остался вздорный характер отставного актера да любовь к витиеватым оборотам речи. Старик был с норовом, многие в поселке не без основания считали, что почтарь больше всего на свете любит съязвить, подтрунить над ближним.

— Ну,— сказал Теймур-даи, отхлебнув кислого молока из пол-литровой стеклянной банки, — ну, отвечай, высокочтимый Джафар, почему ты не спишь, когда сном объаты и воды и суша и спит даже Вели Тахмасиб, которому райком комсомола объявил вчера строгий выговор с занесением в учетную карточку?

Вели Тахмасиб был заведующий поселковой баней и личный недруг Теймура-даи: в бане случались перебои с подачей горячей воды, а старый почтарь так любил попариться... Сейчас нерадивому банщику влепили взыскание, и Теймур-даи был на седьмом небе.

— Я только что с моря, — сдерживая улыбку, сказал Джафар. — Шел мимо — свет горит у тебя в конторе. Дай, думаю, узнаю, что поделявает старый труженик...

— И что ты узрел, о лучший из Джафаров? — в тон ему ответил заведующий почтой.

— Хвала аллаху, я убедился, что любимец поселка здоров и бодр, а язык его по-прежнему остер как бритва. Теперь могу спокойно отправиться в общежитие... конечно, после того, как ты исполнишь мою просьбу.

— Ты все помянул имя аллаха, — укоризненно заметил почтарь. — А он возьмет да и запретит мне пододвинуть к окну телефон, чтобы ты мог позвонить в город.

Джафар остолбенел. А Теймур-даи невозмутимо продолжал:

— Подумать только, до какой жизни я дошел, — ворчал он, прикладываясь к банке с кислым молоком, — среди ночи мне звонят, поднимают с постели... Это кто такой Белов, по поручению которого я должен бежать в общежитие и выяснять, не вернулся ли с буровой некий Джафар?

— И ты ходил?..

— Два раза! — в сердцах воскликнул старик, запрокинул голову и вылил в рот остатки кислого молока из банки. — Два раза я совершил этот

скорбный путь... И я не знаю, что мешает мне вцепиться сейчас в волосы этому Джафару!.. Отвечай: кто такой Белов, позволяющий себе беспокоить старого почтенного человека?

— Товарищ... — пролепетал Джафар.

— Вахсей! — Старик побагровел от негодования. — И вы не нашли другого времени для своей болтовни? Ступай прочь! Завтра будешь звонить.

— Это не болтовня, — быстро сказал Джафар, придерживая створки окна, которое Теймур-даи пытался захлопнуть. — Белов работает в милиции!

Старик задержал руку. Он надел очки, поглядел на Джафара, задумчиво пожевал губами. Потом поставил на подоконник телефонный аппарат.

— Звони, — коротко сказал он, взял банку изпод кислого молока, отправился в соседнюю комнату, служившую ему спальней, и прикрыл за собой дверь.

Джафар набрал номер.

Белов снял трубку, как только прозвучал первый звонок.

— Наконец-то, — с облегчением проговорил он. — А то уже думал, что не успеем созвониться. Нас никто не слушает?

— Нет, — ответил Джафар, взглянув на дверь во вторую комнату.

— Очень хорошо!.. Так вот, посудина, о которой ты рассказывал, принадлежит кому-то из компании нашего знакомого. Понял, кого я имею в виду?

— Да, да...

— Теперь она может называться по-иному: замажут одно имя, намалуют другое. Разумеешь?

Хочу сообщить: вчера на рассвете она вышла в море. В ней трое, в том числе зубастик, как ты его называешь. Впрочем, нас интересует вся компания — они друг друга стоят... Судно должно быть неподалеку от тех мест, где ты его однажды видел. По нашим сведениям, занимается... Да ты отлично знаешь, чем они занимаются! А возвращаться на берег будут завтра, вероятно, под вечер. Мы установили, где обычно происходит выгрузка добычи, готовим встречу. Но часто бывает: ждешь голубчиков в одном месте, а они вдруг объявляются в другом. Так и теперь: не исключено, что высадутся в твоём поселке.

— Полагаешь, у них могут найтись здесь помощники?

— Не хотелось бы думать, что так. Но всякое бывает... И я вспомнил о тебе, Джафар. Вдруг понадобится твоя помощь? Я знаю, завтра ты свободен. Как, не передумал?

— Мы же договорились!

— Ну спасибо... Разумеется, наши люди будут и в поселке. У них есть фотографии зубастика. Однако, когда имеешь дело с таким типом, на карточки полагаться нельзя. Джафар, только мы с тобой встречались с ним, видели...

— Я помню наш разговор!

— Да, да!.. Слушай внимательнее. Днем тебе надо быть в районе поселковой пристани. Весь день с утра и до вечера будь там, Джафар. Если понадобится, к тебе подойдут, назовут мою фамилию. Действуй тогда по указанию этих товарищей.

— А вдруг я сам увижу зубастика?

— Хочу надеяться, что увидишь. Поэтому гляди в оба. Тебя должно интересовать каждое судно, возвращающееся с моря, его экипаж, пассажиры. Опознав этого человека, не

приближайся к нему, наоборот — держись подальше. Это очень опасный враг, он наверняка вооружен. За морской промысел взялся потому, что жаден до денег, а вообще-то занимается делами куда более серьезными... Поэтому, что бы ни случилось, сам ничего не предпринимай. Если заметишь его, подай знак. Скажем, вынь платок и вытри лицо. Три щеку и смотри в сторону этого человека. Тебя поймут... Понял?

— Понял, Володя. Все сделаю.

— Ну ладно. Мне сказали, будет ветер?

— Получена штормовая.

— Плохо. — Белов помолчал. — Однако уже ничего не изменишь — они в море. Покойной ночи, Джафар!

— И тебе того же!

В телефоне раздался щелчок: Белов положил трубку.

— Теймур-даи! — позвал Джафар.

Из соседней комнаты вышел почтарь.

— Поговорил?

— Спасибо тебе, Теймур-даи! — Джафар постарался весело улыбнуться.

— О чем это вы болтали? — поинтересовался почтарь, переставляя телефон на стол.

— Да так... Приглашает к себе...

Теймур-даи покачал головой, поднял палец.

— Аллах знает, что ты его посланник, и аллах свидетельствует, что лицемеры — лжецы, — торжественно продекламировал он.

— Что это? — не понял Джафар.

— Знай, недостойный, что сейчас ты слышал первый раздел шестьдесят третьей суры корана!.. Иди с миром в свое общежитие.

Ветер обрушился на поселок незадолго до рассвета. В последние минуты перед ненастьем стояла напряженная тишина. Только с северных дальних предгорий доносился тоскливый плач ночных скитальцев — шакалов.

Но вот очнулось одинокое гранатовое деревце, дремавшее на поселковой окраине. Не было еще

ветра — он только перевалил через горы и мчался к поселку, а гранат проснулся, его нежные листья затрепетали в тревоге.

Затем шорох прошел по кроне могучей чинары. В садах зашептались шершавые листья инжира.

И разом ударил ветер.

Пыльное облако поднялось над поселком, потянулось к белесому небу с прозрачным серпом молодого месяца. В гуле и свисте бури потонули голоса разбуженных непогодой людей, лай растревоженных псов.

А шторм, набирая силы, мчался через поселок к морю, вспенивал, мят воду, сотрясал островки с вышками.

Джафар проснулся, когда полностью рассвело. Дом подрагивал — казалось, по нему молотят огромные мягкие лапы.

Вспыхнул свет. Это Фируз включил лампу на своей тумбочке.

— Погляди, что делается, — воскликнул он. — Сто тысяч дивов вырвались на свободу!

Новый порыв ветра пронесся над домом. Застонали деревья в саду. Где-то со звоном лопнуло стекло.

— Погаси лампочку, — сказал Джафар.

— Есть погасить! — Фируз нажал кнопку выключателя, спрыгнул с кровати, прошлепал босыми ногами к окну.

Отсюда, с мансарды единственного на поселке двухэтажного дома, было видно море, пристань с прильнувшими к ней судами, строения на берегу, часть пляжа.

— Хазар совсем побелел от злости, — сказал

Фируз. И сокрушенно прибавил: — Как у бедняги Фируза свободный день, так обязательно шторм. Ты обратил внимание?

— Обратил... Природа мстит. Как воскресенье, так ты на пляже и всякий раз с новой знакомой. И чего они в тебе находят!..

Ухмыльнувшись, Фируз вышел на середину комнаты, расставил ноги, выгнул грудь.

Как-то он прочитал об атлетах-«культуристах», тотчас купил гантели, раздобыл двухпудовик. Фируз и без того был сильным рослым парнем, а год усиленных тренировок не прошел даром. Сейчас перед Джафаром стоял юноша с удивительно красивыми мускулами.

— Ну, — проговорил Фируз, демонстрируя, как на согнутой руке вспухает огромный бицепс, — ну, что скажешь, завистник?

— Такому туловищу — да умную голову, — вздохнул Джафар. — Убирайся с глаз!

Он повернулся к стене, пытаясь заснуть. Но сон упорно не приходил.

Снова ударил ветер, с воем промчался к морю. Наступило короткое затишье. И тогда с берега донесся встревоженный женский голос.

Фируз выглянул в окно.

— Замерщица Нюра стоит у коллекторной. Размахивает руками, кричит... Ага, главный идет! Очень спешит. Старик, а как побежал!..

Джафар тоже посмотрел в окно. У коллекторной уже собралась группа людей, озабоченных, хмурых. Что-то неладное случилось на берегу.

Джафар и Фируз стали одеваться.

Через несколько минут они были возле коллекторной.

Замерщица в который раз рассказывала, как при очередном осмотре приборов обнаружила падение давления на выкиде двадцать четвертой скважины. В короткое время давление снизилось до нуля. Это означало, что скважина прекратила подачу нефти на берег.

Буровая находилась в четырех километрах и в ясную погоду с берега была видна отчетливо. Теперь же, когда море затянула серая пелена, с трудом просматривались даже здания у причала. Что произошло на маленьком решетчатом островке? Да мало ли что могло случиться! Песок и парафин, поднимающиеся из недр вместе с нефтью, нередко закупоривают ствол скважины. Бывает и так, что песок разъедает фонтанную арматуру на устье скважины, горючее вырывается на свободу, хлещет открытым фонтаном. Это особенно опасно: вылетит из скважины камень, ударит по стали — искра! — и над промыслом вспыхивает гигантский факел нефтяного пожара...

Из расположенной на пристани радиорубки убежал радист, устремился к главному инженеру промысла.

Оказалось, что радист принял срочное сообщение. Штормующий далеко в море военный корабль обнаружил на воде много нефти. Гонимая ветром широкая нефтяная река довольно быстро движется от берега на юг. Пеленг показал, что горючее идет от расположенного в море нефтепромысла. О своих наблюдениях моряки доложили в штаб. Морское командование послало уведомле-

ние в город. И вот запрос оттуда: что случилось на промысле?

Инженер закончил чтение радиограммы, опустил бумагу.

Фируз сказал:

— На моем катере новый сильный мотор.

Никто не обратил внимания на эти слова. Подошел заведующий промыслом, взял под руку инженера, отвел в сторону, стал шептаться с ним.

— Новый мотор поставили на мой катер, — громко сказал Фируз. — Очень сильный и надеж-

ный мотор. Куда хочешь могу идти, в любой шторм.

Руководители промысла на реплику не реагировали. Молчали и все остальные. Да и что толку в разговорах? На буровую идти нельзя — это было бесспорно. Уже при шестибалльном шторме всем промысловым судам полагалось стоять у причалов. Сейчас — восемь баллов в море.

Но Фируз продолжал гнуть свое. Глядя на заведующего промыслом, он напомнил, что двадцать четвертая обошлась государству в сотни тысяч рублей. Если считать по-старому, это несколько миллионов. А сколько людей трудилось день и ночь, чтобы пробурить скважину! Она стала лучшей на промысле. И вот теперь может погибнуть. Очень странно, что некоторые люди боятся...

— За тебя, между прочим, боятся, — сказал заведующий.

— А мне не страшно! — крикнул Фируз. — Пугаете, а я не боюсь. Могу дать расписку: иду в море добровольно, ответственность беру на себя.

Начальство пропустило это заявление Фируза мимо ушей. Радист обратился к инженеру:

— По прогнозу, ветер к полудню начнет стихать, а к вечеру шторм прекратится вовсе.

Инженер оглядел линию гор на севере.

— Очень может быть, — сказал он. — Летом штормы короткие. Да вон горизонт как будто светлеет. Думаю, скоро сядет ветер.

— Тогда и пойдем в море, — решил заведующий. — Балла на три уймется, отправимся на двадцать четвертую.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

СЛЕД НА МОРСКОМ ДНЕ

Во втором часу дня от промысловой пристани ушло в море судно. Требование Фируза послать на двадцать четвертую его катер было отвергнуто. В трудный рейс назначили большой надежный киржим.

Смирившись, Фируз попросился идти на киржиге матросом. Он доказывал, что умеет слесарничать, монтировать на устье скважины фонтанную арматуру, менять отработанные штуцеры. Напомнил, что не так давно участвовал в прокладке трубопровода на двадцать четвертую, — это тоже могло пригодиться.

Но его не взяли и матросом: во главе лучшей ремонтной бригады на буровую отправился сам заведующий.

Провожаемый десятками людей, киржим отвалил от причала и вскоре скрылся из глаз. Нефтяники собрались у дверей радиорубки, где главный инженер держал радиосвязь с киржимом.

Заработал динамик радиостанции.

— Павел Ильич, — разнесся по пристани голос заведующего промыслом, — скважина не виновата. Видать, километрах в полутора от берега поврежден трубопровод. Ума не приложу, что там случилось, под водой...

— Идите на буровую, — посоветовал главный инженер, — постарайтесь перекрыть задвижки на арматуре.

— Я так и решил. Буду выключать скважину.

А ты вызывай водолазов, Павел Ильич! Здесь стихает, ветер падает. Скоро можно будет работать. На месте аварии оставляю буй.

Динамик умолк ненадолго.

Вскоре на пристани стало известно, что кир-жим приблизился к двадцать четвертой, но старшина не рискует швартоваться и высаживать людей: в открытом море волны бушуют всюду, судно может разбиться о стальные ноги острова.

Главный инженер тотчас отправил в море второе по величине судно — моторный баркас. Во время высадки людей баркас будет держаться близ острова, чтобы прийти на подмогу, если нефтяники окажутся в беде.

На пристани собиралось все больше народу. Шторм шел на убыль, бурильщики скважин готовились возобновить прерванную непогодой работу. Вокруг радиорубки стоял гул голосов.

Но вот голоса смолкли: вновь заработал динамик.

— Подходим, — сообщил заведующий промыслом, — сейчас попытаемся пришвартоваться. Павел Ильич, связался с водолазами, скоро они прибудут?

— Никак не могу докричаться!

— Продолжай, пока не добьешься. Объясни им: повреждение в районе, где труба проходит близ рифов. Ветер боковой, дует из-за скал. Поэтому у места аварии зыбь небольшая, вполне можно работать... Ну вот, подходим к двадцать четвертой, будем высаживаться!..

— Счастливо! — крикнул главный инженер.

Переключив рацию, он стал вызывать водолазную базу.

Фируз обернулся к Джафару.

— Понял, где авария?

— У двугорбой скалы.

— Точно. От трубопровода до нее метров сто, я это место знаю... Есть воздух в акваланге?

— Заряжен полностью.

— Я сбегаю принесу?

— погоди. Сперва надо...

— Надо, чтобы акваланг был здесь. А плот взять?

— Плот не нужен. Маску принеси, ласты, шноркель, нож.

— Ясно. Я мигом!

— Пояс с грузами не забудь, — донеслось до Фируза, когда тот уже бежал по пристани.

Он промчался по пляжу, миновал поселковую площадь, здание клуба. Дальше путь к общежитию, где находился акваланг, лежал мимо почты.

У почтового отделения сидел на приступке Теймур-даи — небритый, угрюмый. Вид у него был такой, будто он не выспался или прихворнул.

— Стой! — потребовал он, завидев Фируза.

— Некогда! — крикнул тот. — Очень спешу, Теймур-даи.

— Да погоди же... Говори, куда бежишь?

Фируз в нескольких словах сообщил о случившемся.

— Вахсей! — всплеснул руками почтарь. — Смотри, какое несчастье! Где же лопнула труба?

Фируз начертил на песке участок нефтепровода — там, где он проходил близ рифов.

— Вот теперь понятно, — удовлетворенно кивнул Теймур-даи. — Но скажи на милость, как же это получается: на промысле авария, а ты бежишь в поселок?.. Разве здесь сейчас твое место?

— Чинить будем нефтепровод! Выйдем на катере. Джафар спустится под воду, я страхующий. Пока инженер докличется до водолазов, пока те соберутся и придут, мы все сделаем.

— Куда же бежишь?

Фируз объяснил.

Будь он чуточку наблюдательнее, обязательно бы заметил, как разволновался почтарь. Но сейчас он думал лишь о том, чтобы быстрее отделаться от въедливого старика.

А тот вдруг смолк на полуслове, будто запнулся. Движением руки отпустил Фируза. Казалось, вспомнил что-то очень важное.

Проводив Фируза рассеянным взглядом, Теймур-даи поспешил в свою контору.

Вскоре из поселковой почты вышел высокий худощавый мужчина в синей спецовке. Еще через минуту на крыльце появился Теймур-даи. Заперев двери почты, он двинулся за человеком в спецовке. Оба шли к пристани.

Между тем инженер установил, наконец, связь с водолазной базой. Несколько минут разговора, и он с досадой отодвинул микрофон передатчика. База сообщила: все специальные суда заняты на работах в порту; одно из них освободится к утру и тотчас будет направлено к месту аварии трубопровода.

— Завтра направят, — пробормотал инженер. — А им еще тащиться на своей лайбе семьдесят километров!..

— Завтраками кормят, — вздохнул один из нефтяников. — Сколько горючего теряем!

Фируз, только что вернувшийся на пристань с грузом, свалил его у рубки, просунул голову в дверь.

— Водолаз есть на месте, Павел Ильич! — крикнул он. — Водолазный катер тоже!

— Поменьше болтай, — в сердцах сказал инженер. — Шлепаешь языком без толку.

— Он не болтает. — Джафар, осматривавший акваланг, опустил его на бревенчатый настил пристани, подошел к двери. — Если позволите, могу попробовать...

— У тебя есть м-м... водолазные принадлежности? — Инженер был озадачен.

Джафар посторонился, рукой показал на баллоны.

— И ты умеешь ими пользоваться?

— Конечно!

— А катер — мой! — Фируз заслонил приятеля. — Джафар только со мной пойдет в море.

В этот момент в динамике раздался голос старшины киржима.

— Ошвартоваться не удалось, а бригаду все же высадил, Павел Ильич, — весело доложил он. — Кранцы сорвал, разбил фальшборт, но заведующий и бригада — на двадцать четвертой. Разворачиваюсь и вместе с баркасом иду назад. Людей с острова буду снимать к вечеру, когда станет

тише. Так приказал заведующий. Ты понял меня, Павел Ильич?

— Понял, давай к берегу!

Инженер выключил рацию и закурил — впервые за последние часы.

— Хорошо! — Фируз потер ладони. — Теперь наша очередь. Готовь акваланг, Джафар!

— Можете не готовить, — сказал инженер. — В море вас не пущу. Очень рискованно.

— А высаживаться на двадцать четвертую было не рискованно? — спросил Джафар.

— Ну, это разные вещи... В общем, без заведующего разрешить не могу.

— А он в море, заведующий! — крикнул Фируз. — И связи с ним нет. И вернется только вечером! Значит, до утра будем ждать?

— Значит, до утра.

— Сутки теряем, — вставил Джафар, — это же полтораста тонн нефти, Павел Ильич!

Человек в синей спецовке тронул Джафара за руку.

— Я от Белова, — шепнул он. — Лейтенант Сушков... Будем знакомы.

Джафар понимающе кивнул.

— Настаивайте, — продолжал Сушков, — дело серьезное: нельзя терять столько нефти!

Джафар показал на инженера, развел руками.

— Ну хорошо, — вдруг сказал инженер. — Хорошо, я дам согласие. Но допустим, Джафар нырнул на дно, убедился в том, что нефтепровод лопнул и его надо чинить. А что дальше?

— Может, труба не лопнула, — неуверенно проговорил Фируз. — Может, дала трещину. Джафар обмотает ее брезентом, прикрутит проволокой. Это же временно, пока не придут водолазы...

— Чепуха. — Инженер вздохнул. — Сами же слышали: нефть бьет так, что море бурлит. Труба, конечно, лопнула. Что вы там будете делать со своим аквалангом?

Инженер был прав. В самом деле, как действовать на дне моря? Специалисты по подводным работам имеют особое оборудование, инструменты — например, сварочные аппараты, которыми легко обрезать негодный кусок трубы, наварить новый... А у Джафара — только акваланг, позволяющий пробыть на дне несколько десятков минут. Не пахнет ли авантюрой вся эта затея?

Помощник Белова потянул в сторону Джафара, показал на толстый гофрированный шланг, лежавший в куче бурового оборудования на грузовой площадке пристани.

— Не подойдет?

Джафар оценил совет. Шланг, по которому в бурящуюся скважину закачивается глинистый раствор, штука прочная — выдерживает давление в сотню атмосфер. Слои корда перемежаются с прокладками из резины и брезента, и все это стянуто толстой стальной проволокой. Соединить таким шлангом концы лопнувшей трубы, попрочней закрепить стыки — и все будет в порядке.

— Спасибо! — Джафар стиснул руку Сушкову.

— Вместе пойдем в море, — сказал тот.

— А... здесь как же?

— Останутся другие.

И, видя, что Джафар все еще колеблется, Сушков прибавил:

— Пойми, так надо!

Катер стоял на якоре. Востер почти совсем стих, однако по морю еще катились гряды больших пологих волн. И каждая, достигнув суденышка, швыряла его вверх. Катер задирает нос, дыбился, а в следующую секунду устремлялся с кручи в глубокий пенный провал.

— Невесомость, — кричал Фируз, когда судно падало с водяной горы, — как в ракете!

Сушков сидел на корме и молча улыбался репликам экспансивного катерника. Это был жилистый загорелый человек лет тридцати. Он очень быстро получил разрешение отправиться к месту аварии нефтепровода: вместе с Джафаром подошел к инженеру, шепнул несколько слов, и тот не стал возражать.

Недалеко от катера прыгал на волнах бело-красный буй. Возле него появилась голова Джафара в резиновой маске со шноркелем.

— Нашел? — крикнул Фируз.

Пловец отрицательно помахал рукой, отдышался и снова ушел под воду.

Он погружался уже в четвертый раз, а все не мог отыскать трубу. Конечно, проще было вести поиск с аквалангом. Но в баллонах не безграничен запас сжатого воздуха. Здесь, на глубине пятнадцати метров, его хватит минут на сорок.

Поэтому Джафар решил понырять сперва без аппарата, осмотреть повреждение и наметить план действий. А уж потом он наденет баллоны, спустит необходимый инструмент и приступит к ремонту трубы.

Но оказалось, что не так-то просто найти трубопровод. Шторм поднял со дна ил и песок. Вода была мутна — Джафар едва различал ласты на собственных ногах.

Вот он снова всплыл, вырвал изо рта загубник дыхательной трубки.

— Заметь место, — донеслось до катера.

Фируз мгновенно провел мысленную линию от буйка к голове пловца и дальше — на берег. Линия уперлась в остроконечную вершину, торчащую над цепью прибрежных холмов. Он прикинул расстояние, отделявшее Джафара от буя.

— Есть пеленг!

Джафар подплыл к катеру. Его подняли из воды, усадили на корме. Толстым рубчатым полотенцем Фируз докрасна растер товарищу плечи и грудь.

На листе бумаги Джафар набросал схему. Обозначавшая дно ровная линия закончилась зигзагом.

— Впадина, — сказал он.

Затем над грунтом протянулась нитка нефтепровода. Карандаш довел ее до впадины, сместил вниз и оборвал.

— Понятно, — сказал Фируз. — Большой разрыв?

— Около метра.

— Но как это получилось?

— Думаю, волны и штормовое течение вымыли грунт из-под части нефтепровода. Труба потеряла опору, провисла. А дальше: удары волн, вибрация...

— Что будешь делать?

Джафар взял карандаш и «надел» шланг на разорванную нитку нефтепровода. При этом он с благодарностью взглянул на Сушкова, подавшего эту мысль.

— Надо, чтобы середина шланга легла на дно впадины, — посоветовал Фируз. — Прочнее будет: шланг примет на себя часть нагрузки.

Джафар согласно кивнул.

— И поглубже надвинь его на концы трубы!

Приятель оценивающе оглядели толстый шланг, широкими кольцами уложенный на дне катера.

— Думаю, хватит, — сказал Джафар. — В куске метров двенадцать. А ну, переставь катер!

Фируз поднял якорь и, сообразуясь с ориентирами, перевел судно на новое место.

Все это время Сушков сидел на своем месте и курил сигарету. С момента отхода катера от пристани он не проронил ни слова.

Тяжелый грязевый шланг перевалили через борт и спустили на дно. В прочную веревочную рачню, где уже покоилась пудовая балластина, уложили листы резины, нарезанный кусками брезент, большой моток мягкой железной проволоки и две ножовки. На прочном тросе рачня отправилась вслед за шлангом на дно.

Джафар стал одеваться для работы — натя-

нул свитер, защелкнул на талии пояс со свинцовыми пластинами, прицепил к нему нож, кусачки и плоскогубцы. Фируз помог товарищу надеть акваланг, подал маску и шноркель.

— Свитер зачем? — вдруг спросил Сушков.

Фируз, отвертывавший вентили баллонов, от неожиданности прервал работу, озадаченно посмотрел на говорившего.

Джафар объяснил: вода в свитере нагреется теплом пловца, защитит человека от прямого соприкосновения с внешней водой — более холодной.

Сушков кивнул и достал новую сигарету.

— Готовы вентили, — сказал Фируз.

Джафар сделал пробный вдох, сел на борт, свесив ноги в воду. Надевая маску, оглядел рифы — до них было рукой подать. Странно: над окончечностью двугорбой скалы, обращенной к открытому морю, как будто курился легкий дымок.

— Фируз!

Катерник повернул к нему голову.

— Ну-ка! — Джафар рукой показал на рифы. — Видишь дымок?

Фируз посмотрел.

— Ничего не видно...

— Да нет там никакого дыма, — сказал Сушков. — Так, дрожит воздух над скалами.

Дымка уже не было.

Еще несколько секунд Джафар медлил. Почему-то вдруг сделалось зябко... Но вот он надвинул на глаза маску, взял в рот загубник воздухопровода и боком свалился в воду.

Стоя на дне, Джафар ножовкой отпиливал заусеницы на изломе трубы: острые края лопнувшего

нефтепровода очень быстро проткнули бы грязевой шланг.

Пилить сталь трудно даже в обычных условиях. Здесь же, под водой, это была адова работа. Ноги разъезжались на рыхлом грунте, труба пружинила, баллоны за спиной стесняли движения. Вдобавок все вокруг обволакивала муть — надо было напрягать зрение, чтобы ненароком не полоснуть ножовкой по руке.

Он опустился ниже, решив ногой придавить пружинящую трубу. Теперь грунт находился совсем рядом, просматривался отчетливо. И Джафар с удивлением обнаружил на нем глубокую борозду — она под прямым углом подходила к поврежденному участку нефтепровода, обрывалась у ложбины и вновь начиналась на противоположном ее краю.

Джафар даже потрогал рукой борозду — будто хотел убедиться, что не галлюцинирует. Борозда была глубокая, как если бы полуметровый шип прошелся по песку. Как же миновал трубу этот «шип»?

Он приблизил лицо к трубе. Металл был испещрен беспорядочными царапинами. «Совсем недавние, — подумал Джафар, — сталь не успела потускнеть».

Что же все это означает?

После раздумий он пришел к выводу, что какое-то судно терпело бедствие в этом районе: отказал мотор, сломался винт... Его несло на рифы. При таких обстоятельствах якорь — единственное спасение. И якорь отдали. Однако шторм был слишком силен. Под воздействием ветра и волн

судно начало дрейфовать, волоча якорь по грунту. В конце концов он зацепился за трубопровод и сломал его.

Куда же девалось судно?

Вероятно, выброшено на скалы.

Джафар заторопился, подтянул трубу, стал действовать ножовкой. Скорее, скорее! После ремонта трубопровода предстоял поиск на рифах. Надо думать, к этому времени шторм окончательно уймется, можно будет рискнуть приблизиться к скалам.

Бам-м!..

Резкий протяжный звук ударил по ушам. Это был сигнал. Каждые пять минут Фируз должен был опускать под воду длинный стальной стержень, бить им по валу винта, чтобы Джафар ориентировался во времени.

Итак, прозвучал первый сигнал, а удалось убирать только две заусеницы. Всего заусениц пять.

Пилить надо быстрее. Но спешка увеличит расход сжатого воздуха. Джафару же необходимо экономить содержимое баллонов, чтобы успеть закончить ремонт трубы.

Как же быть?

Выход один — дышать реже, подольше задерживать воздух в легких. Он понимал, что это опасно: легкие хуже вентилируются, в крови накапливается углекислота, постепенно отравляя организм. Однако надеялся, что обойдется. Только бы успеть!

Полотно ножовки со скрежетом двигалось по металлу. Сверкающие опилки медленно опускались на дно. В белой от мути воде они казались

искорками на матовом стекле — вспыхивали и пропадали бесследно.

Работая, Джафар вспоминал события последних часов. Вспомнил и о дымке над оконечностью двугорбой скалы. Фируз и этот... Сушков ничего не заметили. Но дымок был! Был и исчез.

След якоря на песчаном дне и дымок над скалой!

Внезапно его будто толкнуло. Неужели это... Да, теперь можно было не сомневаться: кто-то терпел бедствие в море и высадился на рифах. Причем эти люди не только не просят помощи, но даже прячутся: на скалах был дымок и исчез. Значит, жгли костер, а потом погасили его. Погасили, когда увидели катер.

А если это преступники, которых ищет Белов? Хищники, вору, они стали еще и виновниками аварии нефтепровода.

Всплыть немедленно, идти к берегу, отыскать и предупредить Белова? Нет, сперва надо закончить работу. А те, что сидят на рифах, никуда не денутся. Они в ловушке.

И все же скорее бы закончить и всплыть!

Пятая заусеница отвалилась и бесшумно упала на дно, когда Фируз двойными ударами железного стержня предупредил, что миновало десять минут.

Джафар отбросил ненужную теперь ножовку, встал на ноги и, поднатужившись, надел на трубу конец тяжелого шланга. Потом спланировал к другому концу лопнувшего нефтепровода и все повторил.

Получилось хорошо. Средняя часть толстого

шланга смутно темнела на дне ложбины, а приподнятые края были метра на два надвинуты на концы нефтепровода.

Теперь предстояло так укрепить стыки, чтобы отремонтированный участок выдержал давление горючего.

Снова просигналили с катера.

Джафар взял из рачни большой кусок брезента, обмотал им стык шланга и трубы, по всей длине обкрутил железной проволокой.

Надо было наложить слой резины. Это оказалось значительно труднее. Толстый упругий лист скользил в пальцах, пружинил. Прошла уйма времени, прежде чем удалось намертво закрепить его проволокой.

Джафар очень устал. Сказывалось и переутомление. Руки, особенно пальцы, отяжелели, повиновались все хуже. Но работа продолжалась. Навалившись всем телом на трубу, он обернул ее новым листом резины, потянулся за мотком проволоки, лежавшим в рачне, да так и застыл с простертой рукой. Большая веревочная рачня, нагруженная резиной и брезентом, рачня с тяжелой балластиной на донышке медленно ползла по песку. Она уже пропахала в грунте метровую борозду!

Еще через секунду стали видны клубы мути — в том направлении, куда двигалась рачня. Все это могло означать только одно: на катере выбирают якорь.

В следующий миг заработал мотор катера.

Джафар рванул аварийный замок пояса, сбросил грузы и устремился к поверхности.

В тот момент, когда голова его появилась из-под воды, на нее обрушился удар. Джафар потерял сознание.

Он медленно опускался в толще воды. От расщеченного лба тянулось рыжее облачко. Сведенный судорогой рот все еще держал загубник воздухопровода.

Вот он коснулся песка — сперва безвольно простертой рукой, потом всем телом.

Появился косяк кефалей, скользнул над ним, растаял в молочном сумраке.

Второй косяк подплыл к лежащему на песке человеку. Внезапно шарахнулся и пропал. У человека шевельнулась рука, пришли в движение ступни. Из-за затылка вырвалась гроздь серебристых пузырей...

Когда Джафар вновь появился на поверхности моря, катера не было.

Акваланг, только что спасший ему жизнь, стал помехой: под водой баллоны почти не весят, теперь же они давили на плечи, отнимая последние силы. К тому же вот-вот должен был иссякнуть сжатый воздух.

Джафар сбросил баллоны.

В голове пульсировала боль. Сознание работало вяло. Он был как во сне: никак не мог собраться с мыслями. Только бы выдержать, отдышаться!..

Некоторое время он лежал на воде, шевеля ладонями, чтобы не погрузиться. Постепенно прояснилось в глазах, ровнее сделалось дыхание. Тогда он поплыл к рифам.

С каждым взмахом рук он приближался к цели. Вот она, двугорбая скала. До нее метры!

И тогда он услышал тарахтенье мотора. Мотор работал за скалой, совсем недалеко.

Звук нарастал. Из-за камней вырвался катер, сделал крутой поворот, умчался на рифы.

Джафар успел разглядеть людей. Катером управлял зубастик. Рядом стоял еще кто-то. А на корме расположился... Сушков!

Волны били Джафара, грозили швырнуть на камни. Отчаянно работая ластами, он отплыл в сторону, улучил миг и скользнул в знакомую бухту.

Первое, что он увидел, была разбитая черная лодка. Ее носовая часть затонула. Из воды торчала корма с двумя подвесными моторами. Это был «Фархад».

Джафар выбрался из воды, стал карабкаться на горб островка. Он едва не плакал от боли в коленях, которые обдирал об острые камни, от сознания своей беспомощности, от ярости и бессилия.

Наконец-то вершина острова.

Он сразу увидел петлявший между скалами катер с бандитами.

А от берега, с противоположной стороны, к рифам спешил киржим.

Джафар вскинул руки над головой, попытался крикнуть. Не смог.

Он продолжал размахивать руками. Его заметили. На киржиге взвыла сирена. Под форштевнем стал вспухать белый бурун — судно увеличило ход.

Джафар продолжал глядеть на судно, но уже не видел ни киржима, ни моря. Перед глазами стоял Фируз — такой, каким он был в памятный вечер их знакомства: разодранная на груди рубаха, опухший нос, кровоточащий «фонарь» на скуле. Еще хуже выглядел в тот вечер Джафар. Только что закончилась жесточайшая потасовка, продолжавшаяся добрых четверть часа.

А началось в клубе. Джафар долго приглядывался к парню, танцевавшему с миловидной девушкой. Когда включали новую пластинку, здоровенный парень почти насильно тащил в круг свою хрупкую спутницу. В конце концов девушка оказалась танцевать. И тогда парень толкнул ее. Джафар подошел, встал между ними. Парень сгрел неожиданного защитника, выбросил в дверь, вышел следом.

Фируз был сильнее, дважды бросал на землю противника. Сбычившись, ждал, чтобы тот поднялся. Снова бил. Но и Джафар наносил удары.

В конце концов они образумились. Вместе пошли к морю, долго обмывали разбитые физиономии. Уселись на песке. Фируз достал сигареты, протянул пачку соседу.

Они просидели на пляже до утра.

Так состоялось их знакомство.

Утром на пристани они неожиданно увидели ту девушку. Фируз засопел, отвернулся. Прошло больше минуты. Наконец он шевельнулся. Тяжело волоча ноги, направился к девушке.

Вскоре он уже шел назад, и девушка растерянно глядела ему в спину.

Неделю спустя, когда в сильную зыбь вахта Джафара высаживалась на морской буровой, пожилой бурильщик оступился и упал в воду. Джафар прыгнул за ним. В тот же миг катер волной навалило на сваю, возле которой барахтались люди. Джафар успел оттолкнуть бурильщика в сторону, но сам был прижат к свае.

Очнулся он на катере, мчавшемся к берегу. Судно вел какой-то рабочий. Хозяин же катера лежал на палубе с неестественно вывернутой ногой. Он был без сознания. Спасая товарища, Фируз в последний момент поставил ногу между бортом судна и свай.

С этого началась их дружба.

Между тем киржим приблизился к рифам, стал огибать двугорбую скалу. Вот он зашел с подветренной стороны, застопорил машины. Раздались короткие частые гудки. Джафара вызывали на борт.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

СХВАТКА В КУБРИКЕ

Фируз попытался пошевелить руками. Не получилось: связали крепко. И ноги стянуты так, что стали затекать.

Он начал перебирать в памяти все, что произошло.

Взял стержень, чтобы подать Джафару очередной сигнал.

Перегнулся через транец.

Уже разглядел в мутной воде очертания винта...

Очнулся в кубрике, связанный, за несколько секунд до того, как на судне включили мотор.

Потом катер тронулся. Пройдя немного, остановился. Тогда-то и слышались голоса. Сушков принимал пассажиров. За то короткое время, что катер был в движении, он мог дойти лишь до ближних скал. Выходит, люди ждали на скалах...

А Джафар остался под водой. Впрочем, как только затарахтел мотор, он, конечно, всплыл. Неужели и его?.. Ну, да это не просто — с борта катера дотянуться до вынырнувшего из-под воды человека... К тому же Джафар, конечно, смекнул, в чем дело, поостерегся приблизиться. Наверное, плывет сейчас в поселок за помощью. Да и на берегу, должно быть, уже подняли тревогу: ветер стих, штормовая дымка рассеялась, и с пристани могли заметить, что катер пошел к рифам. Словом, в беде не оставят.

Он заворочался, вновь пытаясь ослабить веревки. Но если бы и удалось освободить руки — что толку? Из тесного кубрика выбраться можно только ползком. Высунешься из люка и попадешь в руки людей, захвативших катер. Сколько их? Судя по голосам, трое...

А катер мчался и мчался, то зарываясь носом и вскидывая корму, так что обнажались винты, то валясь с борта на борт и купая в волнах иллюминаторы, отчего в слабо освещенном кубрике делалось совсем темно.

Наконец Фирузу удалось повернуться на бок.

Теперь перед глазами был крохотный иллюминатор. За толстым мокрым стеклом мелькали темные тени.

«Скалы, — догадался Фируз, — в рифах прячутся, знают, что катер будут искать».

Что же это за люди, захватившие судно? Мысленно он оглядел того, кто отправился с ними на ремонт нефтепровода. Незнакомец уже на пристани вел себя странно: норовил поближе протиснуться к дверям радиорубки, беспокойно оглядывался. Потом отвел в сторону Джафара, шептался с ним. Вскоре оба они направились к главному инженеру. Джафар сказал несколько слов, инженер с любопытством взглянул на его спутника, спросил о чем-то, выслушав ответ, согласно кивнул.

На какое-то время Фируз потерял из виду этого человека — возился с мотором, разыскивал ножовки, резину, ни о чем другом думать не мог. Но вот мотор запущен. Сматывая с кнехта причальный конец, он увидел: Джафар подал руку незнакомцу, помог перебраться на катер, заботливо усадил в кокпите. Фируз попытался выяснить, кого же берут в море? Но Джафар только махнул рукой — некогда, мол, позже все объясню.

Вспомнил Фируз и последнюю ночь в общежитии. Джафар пришел поздно. Обычно, когда бы ни лег, всегда читает в постели. Такая привычка. На этот раз тотчас погасил свет. Сказал, что устал, хочет спать. А сам больше часа ворочался с боку на бок, вздыхал, тянулся за сигаретами... Чего он нервничал? Заранее предвидел все то, что произойдет? Знал, что утром лопнет подвод-

ный нефтепровод и кому-то придет в голову чинить его с помощью грязевого шланга? Что удастся уговорить инженера и именно они выйдут в море, взяв на борт бандита?.. Чепуха, бред!

Ну, а те, что поджидали катер на рифах? Как они очутились там в разгар шторма?..

Фируз застонал, стиснул зубы.

Кисти были стянуты за спиной. Он пошевелил ими, коснулся настила, на котором лежал. Под пальцами были только доски.

С трудом приподняв голову, осмотрел пустой кубрик. Ничего, чем можно было бы перетереть веревки. Надо же так случиться, что он только вчера произвел генеральную приборку катера, пошвырял в море весь хлам! В кубрике осталось только цветное фото знаменитого атлета. Вот оно, приколото возле иллюминатора: парень с нечеловеческими мускулами сгибает в руках железную штангу...

А рядом покачивается на гвозде зеркальце для бритья — круглое, в металлической оправе. Смотришь в него, горе-моряк, проворонивший свой катер!

Если разбить зеркало?..

Фируз даже вспотел от волнения. С опаской взглянул на задвинутый люк. Медленно поднял связанные ноги, коснулся ими низкого потолка кубрика. Упираясь ступнями в поперечный брус, сантиметр за сантиметром подвинулся к иллюминатору.

Вновь нахлынули сомнения. По ту сторону единственного выхода из кубрика — трое врагов.

Попробуешь отворить крышку люка — они все поймут. Медлить не будут: им терять нечего.

Все же он решил попытаться.

Сделав еще усилие, вплотную приблизился к борту. Теперь колени были возле зеркальца. Коснулись его. Надавили.

Примерившись, он отвел ноги в сторону, ударил по стеклу. Зеркало треснуло. Еще удар, и осколки посыпались на настил...

Долгие минуты ушли на то, чтобы пальцами стянутых за спиной рук нащупать кусок стекла, отыскать щель в досках, вставить осколок. Когда это удалось, Фируз стал перепиливать веревки.

Между тем катер продолжал лавировать в рифах. У штурвала стоял Солист. Рядом расположился Челах — молчаливый, с белым, будто обескровленным лицом. Левое предплечье у него было замотано тряпкой, сквозь которую проступила кровь. Кривясь от боли в разбитой руке, он подсказывал рулевому, как вести судно.

Катер метался в толчее волн, обходил камни, упорно пробираясь к дальней границе рифового архипелага.

— Куда пойдем? — Челах облизнул пересохшие губы, тревожно оглядел нагромождение мокрых утесов по курсу судна. — Спешить надо. Еще часок, и темнеть начнет...

— К берегу двинем, куда же еще? — ответил Солист. — Выйдем на чистую воду — и к берегу!

Сушков, сидевший у кормового среза, всплеснул руками.

— Нельзя к берегу! На берегу уловка рыщет. Твержу и твержу: накололи нас!..

— Не брешешь? — Солист выхватил из-за пазухи пистолет, подбросил на ладони, ловко поймал. — Темнить будешь — не пожалею!

— А ты не пугай! — Челах вдруг сорвался на крик, затопал ногами. — Хватит горлом-то брать! Будет!

Солист всем корпусом повернулся к нему, оскалил зубы. В порванной грязной одежде, заросший, с всклокоченными волосами, он был страшен.

Внезапно Челах охнул, схватил штурвал злорой рукой, резко крутанул. Корму катера занесло. Камень, в который они чуть не врезались, чиркнул по борту, исчез за кормой.

— Ослеп? — завопил Челах. — Мало тебе загубленного «Фархада»?

Солист промолчал.

А бандит с разбитой рукой продолжал бушевать.

— Какую тебе липу добыли, — кричал он, — водительские права, путевку, все честь по чести! А ты? Ты что наделал? А малого на берег кто посылал? Снова ты. Мол, плаваешь хорошо, а мы еле гребем на воде. Чем тебе малый не угодил? Ты лодку ждал, он катер тебе пригнал... О деле думай, о том, чтобы концы замести!

Все это Челах выкрикнул одним духом. Но главного не сказал. Главным было убийство валютчика. К Бурову ввалились втроем. Однако разговаривал с ним только Солист. Он же и пытал. И под утро, когда надо было уходить, прикончил его.

Уже тогда Челах принял решение: выдаст убийцу, если шайку застукают. Причем сделает это раньше, чем Солист расколется на допросе. Так выгоднее.

Впрочем, была надежда, что все обойдется. В доме работали чисто. Следов не оставили. Потому-то и рискнули продолжать поиски золота даже после того, как на месте побывала милиция.

Золота не нашли. Челах сказал: с него хватит, теперь — сидеть тихо, ждать, чтобы все вокруг успокоилось. Но Солист не был согласен. Как всегда, настоял на своем. Уговорил выйти за рыбой. И вот результат...

Бандит с ненавистью посмотрел на главаря. Тот словно почувствовал, обернулся. И Челах отвел глаза.

— Про уголовку Теймур разведал? — спросил Солист.

— Кто же еще, — ответил Сушков.

— Выкладывай, как было.

— Приплыл на берег. Темень кругом. Насилу разыскал его. Рассказал как и что. Думал, базарить будет: «Фархада»-то на его денежки покупали. У него главный пай.

— А он?

— Всплеснул руками, стал благодарить своего аллаха, что так случилось. Сказал, что оперативники в поселок нагрянули, обложили стежки, нас поджидают. А он мечется в своей конторе, ума не приложит, как предупредить, чтобы мотали мы с этих мест.

— Откуда старик дознался про оперов?

— Разговор был. На его почте по телефону с городом разговаривали. Он и подслушал, когда почуял неладное. У него второй телефон, в другой комнате...

Катер миновал последний риф, вышел на вольную воду. И тут же раздался возглас Сушкова. Вскочив с места, он показывал на корму.

Солист сразу увидел темную черточку на горизонте.

То был киржим.

Катер мчался на полной скорости. Но преследователи не отставали.

— В море от них не уйти, — пробормотал главарь банды. — Может, радио у них... сторожевика вызвали. Куда же теперь? Остается одно — к берегу!

— К мысу держи. — Челах показал на далекую ровную линию берега. — Там кустарник, камыш. А за мысом — автомобильная дорога. Разумеешь?

Сквозь тонкую переборку Фируз слышал каждое слово. В эти минуты он перепиливал последние пряди веревки. Кисти были липкие от крови, пальцы саднило, но он все водил и водил крепким, как железо, смоляным сизалевым тросом по осколку стекла.

Вскоре руки были свободны. Он развязал и сбросил веревки, опутывавшие голени, бедра. Подполз к переборке, осторожно потрогал крышку люка. Крышка не поддавалась.

Он хорошо знал мыс, о котором говорил

один из бандитов. Отсюда, от границы рифов, туда было минут сорок ходу. За это время катер не догонят. Надо его задержать.

Встав на колени, он поднял рыбину — часть настила. Обнажились шпангоуты, обшивка судна. В днище была широкая медная пробка. Отвернешь ее — вода хлынет в кубрик. Катер будет затоплен в течение нескольких минут.

А как же он сам? Будет ждать. В последний момент, когда бандиты покинут погружающееся судно, разобьет крышку люка и выберется на свободу. Но он окажется перед тремя противниками! Что ж, пусть так. Кстати, двое из них едва плавают... Э, положение не такое уж плохое. Только бы удалось затопить катер.

Фируз знал, что без инструмента пробку кингстона не откроешь. Она завернута ключом намертво. Все же решил попробовать. Стоя на коленях, вцепился пальцами в четырехгранную верхушку пробки, напруг все силы. Тщетно. Выпрямившись, оглядел пустой кубрик. Где взять ключ, чтобы открыть кингстон?

А время не ждало. Катер уже пробежал порядочное расстояние. Еще немного, и будет поздно.

Его охватило отчаяние. Он уже готов был ринуться к люку, вышибить крышку: может, успеет достать руками кого-нибудь из противников. Хоть с одним свести счеты!

Но он нашел иное решение. Привстав, согнул корпус, взялся руками за бимс, подвел под него плечи. Ноги крепко уперлись в доски обшивки — моряки называют их шпунтовым рядом. Фируз

напрягся, стал медленно выпрямлять тело, короткими толчками вдавливая пятки в обшивку. Он знал: катер старой постройки, ни разу не ремонтировался, за долгие годы службы доски обшивки могли ослабнуть, подгнить.

Мышцы бедер вздулись от напряжения. Плечи, в которые врезался край толстого дубового бруса, казалось, не выдержат и сдадут. Но он все давил и давил пятками. Толчок. Еще. И еще...

Он не поверил, когда холодок пробежал по пальцам ноги, пополз по щиколотке. Это была вода. Стыки доски под левой ногой разошлись, в катер проникла вода. Последний рывок. Под пяткой хрустнуло, нога провалилась. А сам Фируз, ловя воздух руками, осел на дно кубрика.

Отдышавшись, он пополз к люку. Воды было уже сантиметров на двадцать. Значит, вот-вот просочится и в кокпит. Быстрее запереть кубрик изнутри! Но он передумал. Решил: пусть будет открыто. Отполз и лег прямо в воду — на то место, где лежал, когда был связан.

Приподнявшись на локтях, чтобы можно было дышать, он не сводил глаз с крышки люка.

За переборкой слышались возбужденные голоса.

Скрипнула крышка люка. В кубрик просунулась голова Сушкова. Увидев наполовину залитое помещение и человека в нем — без признаков жизни, он отшатнулся.

— Лезь! — приказал Солист, тоже заглянувший в люк. — Найди, где течет, заделай!

Сушков вполз в кубрик. С опаской взглянул

на лежавшего без движения хозяина катера, стал шарить под настилом.

— Нашел, — крикнул Сушков. — Обшивка лопнула. Видать, скалой пропороло. Подайте тряпок!

Челах швырнул ему пучок пакли, хранившейся в катере для обтирки мотора.

— Скорее, — сказал он. — А то не дойдем!

Сушков помял паклю в пальцах и погрузил в воду.

Сзади к нему протянулись руки, сдавили горло. Сушков дернулся, захрипел. Фируз оглушил его кулаком, поднял и прижал к люку, закупорив вход в кубрик.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

КАМЫШОВЫЙ МЫС

Преследователи намного отстали от катера. Тяжелому судну с большой осадкой пришлось далеко обходить рифы, чтобы не пробить днище.

На баке киржима стояли Джафар и Белов. Сперва они видели мелькавший среди скал катер. Но потом катер пересек рифовый архипелаг и затерялся в волнах.

Наконец киржим закончил маневр. Рифы остались позади. Справа, километрах в трех, простирался берег — широкая темная полоса с редкими нефтяными вышками. Впереди и слева было открытое море.

Подошел старшина судна.

— Не видно катера. Может, к берегу подался?

— Хорошо бы, — сказал Белов. — Его там ждут... А что это у нас по курсу?

— Мыс, — объяснил старшина. — И совсем недалеко от него шоссе.

— Катер! — вдруг закричал матрос, наблюдавший в бинокль с крыши рубки. — Вон он, на фоне мыса!

Джафар вскинул бинокль. Бледный, с повязкой на голове, как-то сразу осунувшийся за последние часы, он долго держал бинокль у глаз.

— Это не катер, — произнес, наконец, он.

— Дай-ка. Глаза у меня морские. — Старшина взял бинокль. — Нет, катер, — сказал он, и в голосе его была растерянность. — Но вижу только крышу кубрика. Одну только крышу... Тонет катер! — крикнул он. — Эй, на руле, самый полный!

Взревели дизельные моторы киржима. Грузное судно устремилось к мысу.

— Люди прыгнули с катера, — доложил матрос. — Вон плывут к берегу!

— Сколько? — спросил Белов.

Не переставая наблюдать, матрос поднял над головой два пальца.

Двое! Джафар понимал: Фируз не мог быть в числе этих двух. Значит, остался на катере. Если вообще был на борту...

Мыс был все ближе. Киржим шел к тому месту, где минуту назад из воды торчала верхушка катера. Но теперь море было пустынно.

— Здесь, — крикнул старшина и швырнул за

борт буй с линем и балластиной. Море в этом месте было покрыто радужной нефтяной пленкой.

Не раздумывая, Джафар головой вниз кинулся с борта и исчез под водой.

Новый всплеск. Это прыгнул Белов. Вынырнул и поплыл к мысу. Вскоре он оказался на берегу.

Стена серых стеблей сомкнулась за плечами Белова, и вокруг сразу стало сумрачно, тихо. В лицо пахнуло прелью. Под ногами запружинилатнилая земля.

Раздвигая руками камыш, он осторожно крался в зарослях. Следы преступников, которые были отчетливо видны на песке, здесь затерялись.

Белов двигался наугад. Вскоре заросли раступились. В центре большой поляны высилась куча высохшего камыша. Она шевелилась!

Белов дослал патрон в ствол пистолета. Раздался щелчок — слишком громкий для тишины камышового царства. Из вороха стеблей появилась морда зверя. Еще миг, и на поляну вышел шакал с добычей в зубах: из пасти свешивалась птичья голова на длинной шее.

Зверь постоял, прислушиваясь, беззвучно скользнул в чащу.

Белов перебежал поляну. Шакал чуток, пуглив. Он охотился — значит, вокруг спокойно, можно не опасаться бандитской пули.

Еще десяток шагов, и он вышел к противоположному краю мыса. Вдоль берега плавали принесенные ветром бревна, водоросли. А на

кромке песка вновь обозначилась двойная цепочка следов.

Скользнув по ней взглядом, Белов увидел преступников. Те были совсем недалеко. Первым бежал человек с пистолетом в руке. Другой чуть отстал — он хромал, припадал на левую ногу.

Мгновенно созрело решение — обойти бандитов, встретить у основания мыса. Белов рванулся в заросли, проломился сквозь них и побежал по противоположной стороне мыса.

Он мчался по узкой полосе плотно утрамбованного сырого песка, стараясь не сбиться с шага, ровно и глубоко дышать. Он должен был сбечь силы для схватки.

Последние метры мыса. Впереди песчаный берег, безжизненный, мрачный. Преступников не было видно. Значит, они в камышах.

Он медленно крался вдоль кромки камышовых джунглей, остерегаясь коснуться сухих шелестящих стеблей: его могла выдать каждая качнувшаяся камышинка.

Внезапно заросли дрогнули. В метре от себя Белов увидел преступника. Тот вскинул руку с оружием. Но Белов упал за мгновение до выстрела. В следующий миг рванулся вперед, головой ударил в живот бандита. Снова удар согнутой в локте рукой — в челюсть, и Солист повалился на землю.

Подхватив пистолет преступника, Белов крикнул:

— Эй, хромой, выходи!

Он повторил приказ, прислушался.

— Выхожу, — сказал голос. — Выхожу, не стреляйте!

Фируза положили на разостланном перед рубкой куске парусины. Ночь выдалась душная, влажная. В воздухе висела теплая изморось. Покрытое мелкими каплями лицо Фируза блестело в ярком свете белого стояночного фонаря, казалось сосредоточенным, спокойным.

Только что вернулся Белов. Четверть часа назад он сдал бандитов прибывшим из поселка оперативникам и вот поспешил сюда, на киржим.

Белов подошел к Джафару, стал рядом. Он уже знал обстоятельства гибели катерника. Вытолкнув из кубрика захлебнувшегося преступника, Фируз сам не успел выйти. Застрял в люке. Всего несколько метров отделяло его от поверхности моря, где было спасение. Джафар сразу обнаружил его, как только нырнул. Вытащил из воды, долго пытался вернуть к жизни. В конце концов понял, что опоздал.

Белов молча глядел на погибшего. На его руки. Кулаки вспухли, руки ободраны, местами до кости.

Понимал ли этот человек, что совершает подвиг? Кто знает! Скорее всего просто дрался с врагом. Настоящие парни всегда вступают в схватку, если видят перед собой врага.

Еще несколько минут на киржиге была тишина. Затем старшина и матрос прошли на бак и выбрали якорь.

Где-то внизу вздохнул, заворочался дизель.

На бортах вспыхнули ходовые огни.

Мотор застучал сильнее. Камышовый мыс поплыл за кормой, растворясь в пасмурной мгле.

Киржим возвращался в поселок.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая. Такси у ворот рынка	5
Глава вторая. Стальной остров	14
Глава третья. На резиновом плоту	16
Глава четвертая. Катер с двумя моторами	25
Глава пятая. Солист уничтожает следы	33
Глава шестая. Преступник идет по следу преступника	41
Глава седьмая. Ночной доклад участкового . . .	57
Глава восьмая. Рассказ капитана Белова	65
Глава девятая. Гляди в оба, Джафар!	71
Глава десятая. След на морском дне	85
Глава одиннадцатая. Схватка в кубрике	106
Глава двенадцатая. Камышовый мыс	116

Насибов Александр Ашотович

СЛЕД НА ДНЕ. М., «Молодая гвардия»,
1966.

128 стр. с илл. («Честь, отвага, мужество»).
Р2

Редактор *А. Строев*

Оформление художника *И. Пчелко*

Художественный редактор *Г. Позин*

Технический редактор *В. Савельева*

А15135. Подп. к печ. 20/IX 1966 г. Бум. 70×108¹/₃₂.

Печ. л. 4(5,6). Уч.-изд. л. 4,6. Тираж 100 000 экз.

Заказ 1044. Цена 15 коп. Т. П. 1966 г., № 222.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая
гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Ты, наверное, уже прочел некоторые из книжек библиотечки «Честь, отвага, мужество». Понравились ли они тебе? Кто из героев этих книг больше запомнился? Какие еще книжки в этой серии ты хотел бы прочитать, о чьих подвигах, героических поступках узнать?

Обо всем этом напиши в издательство «Молодая гвардия», указав заодно свой возраст, где учишься или работаешь.

Этим ты поможешь редакции серии подготовить и выбрать для издания те книги, которые больше всего интересуют наших читателей и тебя в том числе.

Свой отзыв посылай по адресу:
Москва, А-30, Сушевская ул., 21.
Издательство «Молодая гвардия»,
серия «Честь, отвага, мужество».

БИБЛИОТЕКА «ЧЕСТЬ, ОТВАГА,
МУЖЕСТВО»

Готовятся к печати:

В. Кудрявцев, В. Полизовский — Шаг в тем-
ноту,
Юрий Туманов — Планшет разведчика,
Виктор Смирнов — Дорога к «Черным Идо-
лам»,
Алексей Леонтьев — Третий прыжок.

БИБЛИОТЕКА

„ЧЕСТЬ, ОТВАГА, МУЖЕСТВО“

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ
СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

Е. Рябчиков

Засада на черной тропе

А. Лукин

Операция «ДАР»

Л. Самойлов, В. Гирин

Выстрел в переулке

Ю. Тарский

Испытание огнем

Г. Боровик

Пылающий остров

И. Мызгин

Со взведенным курком

В. Смирнов, Ю. Попков

Трое суток рядом со смертью

В. Микоша

С киноаппаратом в бою

С. Голяков, В. Понизовский

Рихард Зорге

Д. Морозов

Бой без выстрелов

Петер Випп

Совершенно секретно

А. Леонтьев

Последняя радиogramма

С. Жемайтис

Взрыв в океане

П. Александровский, А. Егоров

Партизан Фриц

С. Мартянов

Первые залпы

В. Смирнов

Поединок в горах

М. Ребров, К. Телегин

За опасной чертой

15 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ